Янтарь чужих воспоминаний

Автор:
Марина Суржевская

Янтарь чужих воспоминаний

Марина Суржевская

Хранилище в народе называют Храмом Памяти, ведь в нем работают эмпаты, те, кто способен проникнуть в воспоминания любого человека. Чужая память стала товаром и средством раскрытия преступлений. Дознавателей Хранилища боятся, им завидуют, им поклоняются. Они почти небожители. И мало кто знает, как близки к бездне те, кто стоит на пороге небес. Почему же сами эмпаты считают себя чудовищами? И кто совершил жестокое убийство красавицы Марии? В оформлении обложки использованы материалы сайта shutterstock, авторы Melkor3D и Malivan_Iuliia. Содержит нецензурную брань.

Дорогие читатели! Книга «Янтарь чужих воспоминаний стоит особняком во всем моем творчестве и, пожалуй, не похожа ни на одну из моих книг. Я не советую эту историю любителям легкого и веселого чтения. Но она придется по вкусу тем, кто любит «темные» истории с нотками триллера и детектива, сложных героев, тайны прошлого и истории непростой любви. В центре повествования – мир эмпатов и нераскрытое убийство, совершенное много лет назад.

В книге присутствуют откровенные и жестокие сцены, будьте внимательны!

***

Лето, осень или зима в начале глав – обозначают сезон одного года, в котором происходят события.

Пролог

…Я люблю боль. Иногда свою, чаще – чужую. Вам страшно? Напрасно. Боль естественна. Она гораздо естественнее, чем приторное счастье, в которое все вы так стремитесь окунуться. Счастье, спокойствие, благополучие… иллюзии. Подмена реальности. Сладкие конфетки для разума, который знает, чего хочет на самом деле. Сколько минут в своей жизни вы были счастливы? О, я даже не спрашиваю о часах. Минут. Мгновений. Малюсеньких, утекающих сквозь пальцы крупинок времени.

Два десятка? Один?

А были ли?

Когда последний раз вы осознавали себя счастливым? Без оговорок, без условий, без маленьких жалящих «но»? Вот прямо сейчас, не раздумывая, вы можете ответить на столь простой вопрос? Когда же был этот миг долгожданного и безоблачного счастья?

Ах, вы не помните.

Ну конечно.

А когда вы чувствовали себя несчастным?

Вчера? Сегодня? Прямо сейчас? Всегда?

Когда вы ощущали боль от потери, разочарования, одиночества и уныния? От невозможности жить так, как жаждет ваша душа, необходимости прозябать в скучном и бессмысленном существовании? Если бы вам предложили выбор: оставить все как есть, или обрести величие, свободу, власть, что бы выбрали? Только это будет не свобода героя в сияющих доспехах, а свобода убийцы и чудовища?

Так что вы выберете?

Скучно? Или чудовищно увлекательно?

Кем вы хотите быть, монстром или мышью, всю жизнь просидевшей в своей норе?

У меня не было выбора. Наверное. Но даже если бы и был, то мой ответ однозначен.

Я чудовище.

***

В глазах Марии страх и беспомощность. О чем думает она, когда смотрит на меня? Право, мне даже интересно. Я смеюсь этим глупым мыслям и поднимаю ее подбородок.

– Страшно? – спрашиваю я, внимательно глядя в прекрасные синие глаза. В них стоят слезы и, чуть наклонившись, я слизываю их языком.

– Да… – шепчет девушка.

Ее страх подпитывает меня, делает сильнее. Еще один ингредиент для коктейля этого вечера. Но все же вкус недостаточно остер, нужно еще кое–что. Терпкая и пряная нотка запретного удовольствия.

Я провожу ладонью по ее телу. Синее платье все еще на девушке, она так радовалась, когда я его подарил. Осторожно расстегиваю маленькие пуговички, глядя ей в лицо.

Оголяю плечи девушки, смотрю. Она дрожит и тяжело дышит, но не кричит. Пока она верит, что это всего лишь игра. Да, страшная, да, опасная, но ведь не смертельная? Хотя она не глупа, дочь священника, которая так хотела познать грех. Что ж, я дал его ей сполна. Во всех смыслах и во всех дозах. Безумен ли я? Бесспорно. Безумен ли я больше, чем каждый из вас? Не уверен. Но истинный безумец хорош тем, что его гораздо сложнее распознать среди безумцев мнимых.

Мне надоело расстегивать эти маленькие сверкающие бусинки с кучей петелек, и я срезаю их ножом. Мария вскрикивает, когда видит сталь, ее глаза сразу наполняются новой порцией слез. Вот так, моя сладкая, вот так. Плачь. Сегодня ты будешь настоящей. Такой, какой создала тебя природа. Обнаженной и испуганной, плачущей от боли и задыхающейся от наслаждения. Разве это не стоит того? Я люблю срывать эти покровы мнимой цивилизованности, которая отравляет наши сущности. Я сорву их с тебя, маленькая дочь священника, я позволю тебе сорвать их с себя. Мы оба будем обнажены и беззащитны, ты – передо мной, я – перед тьмой, что всегда рядом. У каждого своя суть, сладкая девочка, и сегодня ты увидишь мою. А я… я познаю твою.

Платье падает на пол синими лоскутами, бесполезными кусками бархата. В этом тоже есть завораживающая прелесть. Жалею, что не подарил тебе красное платье, тогда ты была бы похожа на бутон цветка, раскрывающего свои лепестки. Разве это не прекрасно? Но вряд ли твои устои и мораль позволили бы тебе надеть красное. Ведь это цвет блудниц и развратниц, цвет крови и заката, когда солнце прячет свой лик от ночных грехов смертных.

Но выход есть. Я могу разукрасить синюю ткань красной кровью, и тогда ты станешь почти идеальна.

Мои пальцы нежны, мой рот жаден и настойчив. Я упиваюсь ее стыдом, ее смущением и страхом. Ее покрасневшими щеками и вздымающейся грудью. Нет, еще нет… Прижимаю к себе трепещущее тело.

– Не надо, прошу тебя, не надо… не делай этого…

Мои пальцы гладят ее живот, а губы улыбаются. Ты не можешь оторвать от меня глаз, не можешь не смотреть, хоть и стыдишься. Ты невинная маленькая крошка, и мне нравится смотреть в твое лицо, лаская тебя. Видеть эти первые огоньки изумления. Чуть приоткрытые губы. Недоверие. Непонимание. Первый вздох удовольствия.

– Прошу тебя… – стонет она.

– О чем ты просишь, Мари? – я шепчу, все так же улыбаясь. Мне забавно слышать это от тебя, забавно от осознания, что ты просишь подарить тебе удовольствие. Ведь ты просишь об этом, правда? Хоть и отрицаешь. Мне нравится ломать этот

барьер, подчинять себе тела. Души? Кому они нужны. Мне достаточно просто тела. Еще один поцелуй. Губы, ключицы, впадинки ребер… Я ловлю ритм твоего сердца, прерывистый и хаотичный, а ты выворачиваешь руки, пытаясь освободиться из веревки, которой я связал твои запястья. Но нет… слишком крепко. Ты упорная, маленькая Мари. Рвешься, снова и снова, стирая кожу, растягивая связки и выворачивая суставы. Ты ведь уже поняла, чем все закончится? В какой момент ты осознала это? Мне интересно.

Ты так красива, Мари… С тебя можно писать картины и молиться на них, а не на те лживые холсты, что висят в храме твоего отца. Такая красота столь редко встречается в нашем мире. В нем много надуманного и приукрашенного, а вот такого истинного, трепетного и невинного – мало. Я даже почти верю тебе. И даже почти люблю. Жаль, что моя любовь убьет тебя.

Хотя, конечно, я вру. Просто жонглирую словами, как ярмарочный шут на потеху полупьяной публики. Мне совсем не жаль. Любовь эгоистична в своем желании обладать и присваивать, а моя доведена до абсолюта. Разве это не ценно? Мгновения страсти и нежности, полное обладание другим человеком на пределе возможного, на грани сил, эмоций и чувств, на пике обнаженных до боли нервов? Разве после этого может быть что–то еще? Для чего тебе жить дальше, прекрасная девочка? Моя любовь остановит мгновение, разорвет оковы беспощадного времени, и ты останешься навечно такой: юной и красивой, застывшей в апогее боли.

Разве это не восхитительно?

Поднимаюсь и захожу к тебе за спину. Ты бьешься раненной птицей, не понимая, что происходит, пытаешься оглянуться, снова выворачивая руки. Но твои путы надежны, птичка, слишком надежны. Сегодня я не хочу играть. Еще одна дань твоей красоте. Я смотрю, как ты дергаешься, как откидываешь голову, как втягиваешь и без того худенький живот. Мне нравится смотреть на тебя. Раздеваюсь, аккуратно складывая одежду. Запонки кладу на столик, туда же отправляю перстень с мизинца. Я не люблю посторонних предметов на теле, когда наслаждаюсь. Снова подхожу к тебе, прижимаюсь обнаженным телом к твоей спине. Ты вздрагиваешь, пытаешься отстраниться. Я тихонько смеюсь, прикасаюсь губами к твоим волосам цвета воронового крыла. Вдыхаю твой запах, жмурясь от удовольствия.

– Мне нравится твой аромат, Мари, – шепчу я.

– Отпусти меня… отпусти, умоляю… я никому не скажу…

– Чего не скажешь, маленькая? – я снова улыбаюсь.

– Того, что ты хотел сделать…

О, я уже смеюсь в голос. Значит вот как.

– И что я хочу сделать? – шепчу ей в висок, слизываю испарину с ее кожи. Так люблю эту горечь страха, смешанную со сладостью удовольствия и кислинкой осознания.

– Убить… Ты хочешь убить меня, Кай… – она шепчет почти неслышно, но я улавливаю это имя даже не слухом, угадываю по вибрированию воздуха.

– Скажи еще.

Мои пальцы уже выплясывают на ее теле танец страсти, бархат кожи никогда не сравнится ни с одной тканью, даже самой дорогой. Снова смеюсь от ее протестующего стона.

– Ты хочешь, чтобы я продолжил?

– Да…

– Почему?

– Я люблю тебя…

Маленькая сладкая Мари. Как и все женщины, ты думаешь, что любовь способна творить чудеса. Что она меняет мир и законченных безумцев вроде меня. О, это квинтэссенция женской сути! Стать единственной для чудовища и своей неземной любовью превратить его в принца. Каждая мнит себя той, что способна обуздать мои древние и темные инстинкты. Вы так хотите их обуздать. Посадить меня на цепь своих нежных слов и ласковых рук, трепещущих ресниц и обиженно поджатых губ. Верите, что сидя на цепи, зверь может быть счастлив.

О нет… нет.

Ну что же. У каждого своя вера. Я позволяю верить в это до самого последнего мига, но не оттого, что милосерден, а оттого, что мне наплевать. Я человек, который точно знает, чего хочет. А сейчас я хочу удовольствия: плотского, низменного и обжигающего. Я могу получить его и просто делаю это.

Но Мари не поймет, а объяснять ей я не буду.

– Так как ты меня любишь?– с усмешкой спрашиваю я.

– Люблю… сильно…

– Любишь настолько, что позволишь мне делать все, что я захочу?

– Да…

Ты была хороша, Мари. Но для меня ты уже в прошлом. Ты взираешь мне в глаза, не отрываясь, словно пытаешься в них что–то рассмотреть. Впрочем, я знаю, что. Все ту же проклятую любовь. Надеюсь, в моих достаточно похоти, чтобы ты могла обмануться. «Обмани меня, мне так нравится» – твоя любимая песенка, что мурлычешь ты себе под нос, когда думаешь, что я не слышу.

– Ты права. Я хочу убить тебя. Взять нож и провести по твоему горлышку… – я оттягиваю ее голову и трогаю языком шею. – Вот здесь…

Она не понимает. В синих глазах пелена желания, она не верит и даже улыбается. Она хочет продолжения. Дрожит в моих руках. Боль обостряет все ее чувства, уязвимость и беззащитность жертвы пугают и возбуждают ее. Наше тело любит боль, как ни пытаемся мы этому сопротивляться…

Глава 1

Осень

Орин

Почему он вспомнил сегодня ту девушку, дочь священника? Как же ее звали? Такое простое и незатейливое имя…

– Ханна, как зовут твою дочь? – бросил Орин, застегивая рубашку и не глядя в зеркало. Домработница подала сюртук, смахнула с рукава невидимую соринку.

– Мария, лорд Дартер.

Точно, Мария. Так почему он вспомнил ее? Привычка препарировать собственные эмоции и сегодня сработала. Одеваясь, Орин разложил в голове события сегодняшнего дня, рассмотрел все с беспристрастностью ученого, что оглядывает подопытных мышей. В какой момент у него возникла эта ассоциация, мысль–воспоминание, словно заноза засевшая в голове? Он ведь не склонен вспоминать прошлое. Не оттого, что оно не имеет значения, а от неразумности траты времени на бесплотное блуждание по коридорам памяти.

Те, кто служат Времени, стараются не тревожить его напрасно.

Итак, почему же он вспомнил?

Как фрагменты одной картины, Орин перебрал события дня. Пробуждение. Душ. Экипаж. Здание Хранилища. Он раскручивал события, как ленту с рисунками, сматывал вперед и назад, внимательно наблюдая произошедшее. Вот он. Тот самый момент. Огромное окно, через которое льется солнечный свет. Словно светящийся коридор, по которому вот–вот спустится ангел. Свет такой яркий, что после сумрака коридора в первый момент девушку даже не видно. Лишь силуэт. Тонкий, как стилет. Уже этого достаточно, чтобы Орину стало интересно. Лорд не часто сравнивал женщин с холодным оружием, и такое сравнение должно чрезвычайно польстить им. Если бы они знали о нем, конечно. Но Орин был не склонен делиться своими мыслями.

Силуэт. Стоит в пол–оборота, смотрит в окно. Узкая юбка лавандового цвета ниже колен. Тяжелый бархат льнет к коже. Небольшая грудь. Ряд пуговиц до

самого горла. Темные, гладко зачесанные назад волосы. Профиль. Тонкий и бледный, как на камее.

Все.

Дальше – подошедший Хантер, лестница, кабинет… Дела, дела, дела, до самого вечера. Но вспоминать дальше он не стал. Ни к чему. Лорд выяснил причину непрошеного воспоминания. Девушка у окна на короткий миг напомнила Мари. Но лишь на миг, потому что в тот момент, когда он отворачивался, девушка обернулась, и Орин увидел холодные глаза цвета стоячей озерной воды, бледные, сжатые в одну линию губы. Ничего общего с тем воспоминанием.

Лорд позволил себе еще минуту подумать о незнакомке. Кем бы она могла быть? Гостья – просительница? Слишком замкнутое выражение лица. Пришла к кому–то из дознавателей? Возможно… Сознание привычно просчитало несколько вариантов, отсекая невероятные и сопоставляя детали. Эмоциональный фон, дальше логический… Обычная тренировка. Платье: пуговицы из натурального жемчуга, ткань – виенерский бархат. Сто драхм за меру длины. Заколка: натуральный изумруд на застежке – вариант для состоятельных вдов. Скромно, со вкусом и не по моде. Шея закрыта, на руках перчатки, хотя и не по погоде. Что–то с руками? Боязнь прикосновений? Недоверчивость и пренебрежение к людям? Скорее последнее. О том же говорят поджатые тонкие губы и холодный взгляд. Лицо гладкое, без морщин… Старается выглядеть старше, чем на самом деле. Стояла у окна, поза выдает ожидание… Гостья.

Орин повернул песочные часы, которые не успели пересыпать весь песок.

Гостья…

***

Хранилище встретило Орина сухим воздухом, прохладой и сумраком. Хорошо. С утра зарядил дождь, и туман снова наполз с черных берегов реки. Вязкий, почти липкий, из–за него пришлось ехать с маяками и сигнальным рожком. Водитель тихо ругался, поминая всех богов, пока вез его к Хранилищу. Собственно, Орин был с ним согласен. Может, из–за тумана, но приехал он одним из первых и пошел по безмолвному извилистому коридору, радуясь этому обстоятельству. Дознаватель любил быть здесь один. Потолки, как в храме, расписанные

старыми фресками. Окна в пять человеческих ростов с изящной мозаикой. Рисунок света и тени на темных досках пола, наборные панели из красного дерева. Храм Памяти, как называли его в народе. Дознаватели ведь были почти небожителями в глазах людей. Знали бы они, как близки к бездне те, кто стоит у порога небес.

Легкий шорох нарушил безмолвие этих стен, и мужчина повернулся, лезвие скользнуло в ладонь.

– Вы ожидаете в Хранилище нападения? – поинтересовался женский голос. Орин окинул девушку взглядом. Снова застегнута на все пуговицы, высокие каблуки, губы без краски. Леди–стилет. Легкая птица удивления задела мужчину крылом.

– Для гостей еще слишком рано, насколько я знаю, – кажется, он забыл добавить в голос любезность. А, нет, не забыл. Намеренно не добавил.

– Я не гость.

Интересно, она встала против света специально? Он окинул ее взглядом повторно, просто для демонстрации. Шаги слева нарушили неловкую паузу.

– Орин, ты сегодня рано! – Хантер улыбнулся. – Уже познакомился с нашей новой оритой?

– Мы как раз занимались этим. – Орин снова взглянул на девушку. Неужели он услышал в этом ледяном голосе насмешку? Девушка смотрела на него не мигая, даже губы не изогнула в улыбке. Кажется, у нее тоже проблемы с любезностью.

Лорд склонил голову.

– Орин Дартер, – каплю теплоты. Кроху раскаяния. Малую толику восхищения. Достаточная смесь для смягчения женского сердца. – Простите мою невнимательность. С утра только Хантер способен улыбаться. Я активнее обычно к ночи…

Двусмысленность? А вы хотите услышать двусмысленность, леди?

Смотрел внимательно. Ее глаза по–прежнему холодные, губы сжаты. Нет. Слышать двусмысленности она явно не желает. А что вы желаете, ледяная леди–стилет?

– Рада знакомству, – пренебрежительным тоном произнесла девушка. Высокомерно кивнула и ушла. Какое–то время Орин смотрел ей вслед. Неплохо. Кем бы она ни была, ей удалось его заинтересовать. Сотня песчинок, леди–стилет…

– Как ее зовут? – не оборачиваясь, спросил Орин у Хантера.

– Кристина. Кристина Дирхойт.

***

Кристина

Храм Памяти. Какое пафосное название для места обитания чудовищ. Она ненавидела их всех, заранее, скопом и нелогично. Всех. Хоть и понимала умом, что не права. И все же не могла сдержать отвращения, когда зашла сюда впервые.

Она встряхнулась, осматривая помещение. Несомненно, Хранилище впечатляло. Даже она, привыкшая к высоким замковым сводам, на миг застыла, созерцая великолепие этих стен, кружево светотени и затейливые рисунки фресок. Величественно – вот как это выглядело. Не удивительно, что, попадая сюда, каждый человек испытывает безотчетное желание упасть на колени и начать молиться богам времени. Крис скривилась, потому что тоже почувствовала власть этого места, эту отвратительную дрожь подобострастия и культового восторга. Но лишь на мгновение. Отпустило быстро, стоило вспомнить, зачем она здесь. Время приема еще не началось, и Кристина замерла у окна, ожидая третьего помощника. Чужой взгляд ощутила, как холодок, коснувшийся шеи. Повернула голову— один из дознавателей смотрел на нее через зал. Белоснежная рубашка и темные брюки. Волосы цвета воронова крыла до плеч, цвет глаз с такого расстояния не разобрать, но, кажется, светлые. Девушка

отвернулась.

***

Орин

Леди–стилет стоит переименовать в леди–ледышку. За семь дней ни разу не улыбнулась, на шутки не реагирует совершенно, и даже улыбки Хантера, похоже, не замечает. Что ж, в чем–то она права…

Орин не думал о ней, пока не пришла пора спуститься в архив. Он был расположен на подземном уровне, вниз вела винтовая каменная лестница с истертыми ступенями— пристанище воспоминаний и дурных мыслей. Можно было послать за сферой кого–нибудь из помощников, но ему захотелось пройтись, к тому же дознаватель банально устал. Приходилось сидеть в помещении, рассматривать куски чужой памяти и копаться в прошлом. Так что в архив лорд решил прогуляться сам, дабы проветриться. А еще здесь было тихо. Большинство людей даже не понимают, какое это счастье – тишина. Возможность не слышать посторонние звуки, не воспринимать их, не анализировать. Ради одного этого он готов потерпеть сырость и холод подземелья.

Орин прошел мимо длинных стеллажей со сферами, не торопясь найти нужную. Старик архивариус склонился, увидев его.

– Нужна моя помощь, хранитель?

Орин качнул головой, и старик понимающе удалился. Лорд пошел, рассматривая дымные куски стекла, внутри которых копошились куски чужой жизни. Словно пауки в банках… И нахмурился, заметив в конце коридора из стеллажей маленький огонек светильника, зависший над тонкой фигурой. Надо же, леди–стилет.

Девушка стояла возле полки, осторожно перебирая сферы и делая пометки в толстой тетради. Она чуть склонила голову в приветствии и снова перевела

взгляд на полку. Быстро осмотрела сферу, сделала запись. Словно уже и забыла о чужом присутствии. Более того, даже любопытства в ее лице он не заметил. Неужели ей не интересно, кто стоит в темноте, наблюдая за ней? Видеть его лицо она точно не может, светильник горит прямо над ней, не давая рассмотреть то, что скрыто тенью.

Наверное, именно то, что она не проявила никакого интереса, заставило мужчину изменить своим привычкам и подойти к ней. И внутри шевельнулось что–то похожее на удивление. Он уже так давно перестал ошибаться, что леди–стилет своими неправильными реакциями его заинтриговала.

– Госпожа Дирхойт. – Он приблизился, вошел в круг света, приветствуя ее.

– Лорд Дартер, – сухо сказала она. Словно и не поздоровалась, а лишь констатировала факт. Занятно.

– Вижу, вы уже приступили к обязанностям ориты.

– Вы видите верно, – тон все такой же сухой и безжизненный. Еще одно подтверждение того, что он не страдает слепотой.

Орин облокотился о стеллаж плечом, рассматривая девушку. Волосы все так же гладко зачесаны, сбоку серебряная заколка в форме узкого листа ивы. Простая и, несомненно, дорогая.

– И как? – чуть насмешливо спросил он. – Нравится?

Она осмотрела еще один шар, аккуратно поставила на подставку, сделала запись и лишь после этого подняла на мужчину глаза. Он усмехнулся. Прекрасно. Дивная демонстрация, насколько он мешает ей работать, отвлекает от важных дел. Тетрадь не захлопнула, показывая, что ответит на его вопрос, но не намерена вступать в беседу. Он, пожалуй, задержится.

– Устраивает, – коротко ответила она.

Орин вскинул бровь.

– Устраивает? Вы работаете в самом почетном месте города, и вас просто устраивает?

– В мои должностные обязанности не входит необходимость рассыпаться в восторгах при упоминании этого, – холодно озвучила она. – Так что да. Устраивает.

Дознаватель рассмеялся. Неплохо…

– Почему вы решили пойти сюда работать, леди Дирхойт? Все же, Хранилище не совсем то место, где уместна женщина. Вы не находите?

Она подняла на него зеленые глаза. Цвет интересный, прозрачный и чистый, как вода. Он отстраненно рассматривал ее лицо с тонкими чертами. Слишком строгое и замкнутое, чтобы быть красивым. Такими лицами восторгаются женщины и художники. И их опасаются мужчины.

– А где место женщины, лорд Дартер? – спросила она.

– Возможно, возле мужа? – чуть насмешливо протянул Орин.

– Мой муж умер, – без эмоций ответила леди.

Он чуть прищурился. Вот как…

– Значит, вы вдова. Давно?

– Моя биография вас не касается, лорд Дартер.

– Разве вы не знаете, что люди порой просто беседуют? И говорят о чем–то? – он усмехался, отслеживая ее реакции. Но на ледяном лице – ни одного чувства, даже отголоска. Ему редко встречались женщины, сумевшие сделать из своего лица алебастровую маску. Или это не маска, а суть? И леди–стилет действительно не испытывает эмоций? Не за это ли качество ее взяли на должность ориты?

– Я слышала, что некоторые люди это делают, – бесстрастно отозвалась она. И все же легкая нотка насмешки окрасила серость ее тона. – Те, кто любят пустые разговоры на неинтересные темы. С не интересующими их людьми. Но ведь мы не относимся к таким людям, не так ли, лорд Дартер?

– Если бы я не знал, что вы сделали мне комплимент, то решил бы, что вы меня только что оскорбили, – протянул он. Богиня Мрака, конечно, оскорбила. Причем намеренно.

– Но вы ведь даже мысли о подобном не допустите, верно, лорд Дартер?

– Не допущу. – Орин чуть склонил голову. – Иначе мне пришлось бы принять адекватные меры. Недопустимые по отношению к леди.

– Конечно.

Она смотрит спокойно, но в ее глазах насмешка уже очевидна. Занятно… Пожалуй, он ознакомится с личным делом ориты.

– Кристина, вот вы где! – Голос Хантера разбил краткий морок, и лорд снова отступил во мрак. – Орин, и ты здесь? Выбирайся из этого склепа, у нас новый инцидент.

– Где? – Лорд тут же забыл о леди–выскочке.

– В летнем протекторате. Женщина.

***

Хантер

Ему совсем не понравилось, что Орин беседовал с оритой. Хотя Орину обычно наплевать на окружающих, но дорогу он не переходит никогда, если дело касается женщины. Такой вот кодекс чести.

Орин ушел, вежливо кивнув на прощание, а Хантер улыбнулся девушке.

– Не обращайте на него внимания, он известный сноб. Надеюсь, не обидел вас?

– Я не обидчивая, Хантер. – Она мягко улыбнулась, и мужчина замер.

– У вас очень красивая улыбка, Кристина.

– Хантер, вы мне льстите. – Она махнула рукой и провела рукой по лбу. – А лорд Дартер не сказал мне ничего обидного. Да мы и не разговаривали почти. Меня вот отправили переписывать сферы памяти, не думала, что их… столько!

– Это лишь первый уровень, – с сочувствием сказал он, отбирая у нее тяжелую тетрадь. Девушка закатила глаза, а мужчина рассмеялся. – Поначалу всем трудно, знаете, эти стены, они ощутимо… давят. А потом ничего, привыкнете. Хотите, я вам помогу?

– А разве у вас нет дел?

– Полно, – обрадовал он. – Но я собираюсь сделать вид, что ни одного, и остаться с вами в этом пустом и страшном подземелье! С некоторой долей воображения это даже может сойти за романтическое свидание.

– Хантер!

– А что? – Он подмигнул ей. – Темнота, свет одинокой свечи, и мы здесь лишь вдвоем… Пожалуй, я начну вас соблазнять, Кристина!

– Хантер! Это не одинокая свеча, а световой шар, и где–то там бродит архивариус. Кстати, весьма строгий! И не надо меня соблазнять, прошу вас!

– Зато мне удалось вас развеселить. – Дознаватель поставил галочку в тетради, сверив номер с шаром. – Раз уж с соблазнением не выходит. Но я буду стараться, даже не надейтесь так просто от меня отвязаться.

– Вы невыносимы! – рассмеялась она.

– Так и не надо меня выносить, оставьте на месте. Желательно рядом с собой, – отозвался он. – И вы пропустили вот тут цифру.

–Где? – забеспокоилась она и склонилась к тетради так близко, что ее плечо коснулось мужского. – Не вижу…

Он втянул воздух возле ее виска, и от дыхания легкий завиток волос над ухом чуть колыхнулся.

– Хантер! Здесь нет ошибки! Вы меня обманули?

– Но я ведь честно предупредил, что намерен вас соблазнять. – Он рассмеялся, глядя на ее рассерженное лицо. Леди забрала тетрадь, а мужчина поднял руки в извиняющемся жесте. – Кристина, ну простите! Просто не смог удержаться! Не злитесь, прошу!

– Так и хочется стукнуть вас этой тетрадью по голове, – пробурчала она.

– Какое расточительное отношение к лучшим умам нашего города, – посокрушался он. – Вы знаете, что телесные повреждения дознавателя караются очень строго? Ай–яй–яй, Кристина, какой ужас! Вы готовы нанести мне тяжкие телесные повреждения за невинную шутку! Жестокая вы девушка.

– Хантер, прекратите паясничать. – Она отвернулась, но не смогла скрыть улыбку, и Хантер ее заметил. Чудесно. Женщины любят тех, кто их смешит. Они не видят в шутниках опасности, не боятся и легче сближаются с ними. А он собирался сблизиться с этой изящной гордячкой, волосы которой пахнут дикой вишней. В его детстве было такое дерево, кривое, с совершенно горькими ягодами, которые невозможно было есть, но как же они пахли… Горько–сладко и невыносимо притягательно.

– А что там произошло, с той женщиной? – Она осторожно взяла в руки шар. – Летней?

– Ей сломали шею.

Шар выкатился из дрогнувшей ладони и со стуком подпрыгнул на мягком полу. Кристина вскрикнула испуганно, упала на колени, кидаясь за покатившейся сферой. Дознаватель ловко остановил ногой движение шара и подобрал. Подал руку девушке, помогая подняться.

– Не разбилась? – Ее голос чуть дрогнул, а зеленые глаза все еще были испуганными. – Какая я неловкая…

– Кристина, не волнуйтесь. Смотрите. – Он поднял руку и уронил сферу. Та ударилась об пол и подпрыгнула, словно мячик для хейса. – Тут специальное покрытие на полу, толстый каучук, – пояснил мужчина, поднимая шар. Стукнул ногтем по стеклу. – И это стекло почти невозможно разбить. Так что роняйте на здоровье. И не переживайте так!

– Спасибо, Хантер, – уже спокойно произнесла она, принимая из его ладони шар. – Я действительно испугалась, что уничтожила воспоминание. Знаете, я пока не до конца освоилась здесь…

– Вас просто испугали мои слова, – спокойно обозначил мужчина и вздохнул. – Про убийство. Простите, Кристина. Мы уже так долго в этом месте и так часто сталкиваемся с… инцидентами, что стали совершенно бесчувственными чудовищами. Для нас это обыденная жизнь. Как дела, Хантер? Ничего, дружище, сегодня убили двоих, а у тебя? Понимаете меня? Мы уже забыли, как относятся к этому обычные люди. Нормальные. Мы все забыли, что такое страх.

– Вы говорите странные вещи, Хантер.

– Ну вот видите, и соблазнить не вышло, и рассмешить тоже. – Он криво усмехнулся. – Только испугать и расстроить. Наверное, я этого не переживу и с горя напьюсь. Не хотите составить мне компанию?

Ее губы чуть дрогнули.

– Я не умею пить, поэтому воздержусь.

– Неужели вы начинаете буянить и петь непристойные песни? – Он сделал страшные глаза, и леди улыбнулась уже открыто.

– Увы, Хантер. Я начинаю плакать и ненавидеть весь мир. Так что не советую меня спаивать.

– Сегодня явно не мой день. – Мужчина издал тоскливый вздох, поглядывая на нее искоса. И усмехнулся, когда она сдалась. Конечно, сдалась.

– Ну хорошо, только никакого вина. – Она погрозила тонким пальчиком. – Кофе. Договорились?

– Я счастливейший из людей! – улыбнулся дознаватель и отвесил шутливый поклон. – И всю ночь буду сочинять оду в вашу честь, о моя прекрасная леди!

– У меня стойкая аллергия на эпистолярный жанр, – улыбнулась Кристина, возвращаясь к пометкам в тетради. – Так что давайте просто выпьем кофе.

– Вы не даете мне блеснуть талантами! И вот как вас после этого соблазнять?

– Просто оставайтесь собой, Хантер, – велела она.

Распрощались они вполне дружески, и мужчина ушел в темноту. Потом бесшумно вернулся и еще какое–то время постоял за стеллажами, глядя на девушку. Кристина, кажется, успокоилась и теперь спокойно работала. Доставала шар, осматривала, ставила на место, сверяя номер. И снова. Когда она тянулась к верхней полке, ткань серого платья натягивалась, обрисовывая грудь. Он прижал к лицу запястье, на котором остался ее запах. Дикая вишня.

Еще постоял, наблюдая за ней, и скользнул во тьму окончательно.

«Просто оставайтесь собой, Хантер».

Нет, вишневая девочка, пахнущая так притягательно–горько. Если он будет собой, то она вряд ли обрадуется…

***

Кристина

Дура, дура, дура!

Как она могла так отреагировать? Просто не ожидала? А чего она ожидала?

Или все дело в этом лорде Дартере? Он ее пугал… Внешне в нем ничего не вызывало страха, напротив, мужчина красив. Породистое лицо наследного лорда: высокий лоб, нос с небольшой горбинкой и нервными ноздрями, жесткие, но красиво очерченные губы, высокие скулы и мужественный подбородок. Так что в нем пугает? Может быть, глаза? Равнодушные, серые, глубокие, словно бесконечная пелена тумана, что порой зависает над городом.

Крис потерла ладонью лоб. Всего неделя в этом проклятом месте, а в голове уже муть.

В лорде нет ничего ужасающего, он до тоски любезен, а его манеры до зевоты безупречны. Но почему–то у нее он вызывает желание попятиться. И еще отчаянно хочется ему нагрубить. Или оскорбить. Или сделать еще что–то, что заставит его снять эту раздражающую маску безупречности и показать себя настоящего. Она хочет сорвать маски с них всех…

Или Хантер. Первое впечатление: дружелюбный и общительный. Кажется простым, но лишь кажется… Простые не работают в Хранилище. Еще одна маска, за которой так сложно рассмотреть истинное лицо. Он производит приятное впечатление с первого взгляда, своей открытой улыбкой и спокойной уверенностью. Если бы Кристина встретила такого парня на улице, он вполне мог бы ей понравиться. В отличие от лорда Дартера, Хантер одет свободно: в простые штаны и тонкий свитер из мягкой шерсти. Темно–зеленый цвет идет загорелому лицу и каштановым с рыжинкой волосам. Гладко выбрит, уголки губ всегда чуть изогнуты, так что хочется улыбнуться в ответ. Глаза необычного цвета —темные, но с коричневыми крапинками и тоже кажутся рыжими. Такому человеку хочется довериться, хочется все рассказать и всем поделиться. Даже тем, чем делиться точно не следует. Говорить с ним легко: не замечаешь, как ощущаешь его близким другом и уже не чувствуешь в нем угрозы…

Хорошо, что он отнес ее испуг на слова об убийстве. Новость не вызвала в душе Кристины страха, и тем более не заставила бы уронить шар. Сводку она смотрела перед уходом в архив, это часть ее работы. Так что о происшествии у летних знала. Нет, не это заставило ее руки дрогнуть. Кольцо. На руке Хантера было кольцо. Крис и раньше видела серебро ободка на его пальце, но лишь сейчас заметила, что он носит перстень камнем внутрь. Почему? Не потому ли, что камень тот самый? Синий, плоский, не поднятый на лапках, а словно утопленный в металле почти до верхушки. Так почти не делают, ведь сапфир, погруженный в платину, не играет: его не касается свет, и драгоценный камень не может показать весь свой блеск и красоту. Какому ювелиру пришло в голову спрятать чистый камень в глухом гнезде черненого металла? И на первый взгляд на руке Хантера недорогое и простое серебряное кольцо, лишь опытный глаз заметит камень и отличит платину от серебра.

И вот этот маленький штришок напрочь разбивает иллюзию простого парня в зеленом свитере, которую так тщательно создает Хантер.

Или это лишь выдумки ее больного воображения?

Кристина сделала пометку и поставила шар на место. Внутри матового стекла клубился кусочек чужой жизни, дымка воспоминания, и, скорее всего, страшного… В Хранилище нет хороших воспоминаний, здесь лишь чудовищные…

***

Пить кофе Хантер ее потащил в кофейню за углом. Кристина пыталась возразить, что и в Хранилище они могут прекрасно посидеть, но мужчина лишь отмахнулся.

– Вам понравится, – уверил он. – Вы наверняка здесь не были, Кристина. Вы ведь недавно в городе?

– А вы ознакомились с моим личным делом? – хмыкнула девушка.

– Просто предположил, – широко улыбнулся он.

– И что заставило вас сделать такое предположение? – Она качнула головой, отвергая предложенный локоть, и смягчила отказ улыбкой. Они шли по мостовой, мимо серых и красных домов Старого города, украшенных лепкой и каменными химерами, что провожали их взглядами. Людей было немного, хотя погода радовала: туман наконец убрался за реку, так что Кристина наслаждалась прогулкой. Почти наслаждалась. Ее спутник в светло–коричневой куртке и замшевых ботинках выглядел вполне довольным жизнью и ее обществом, улыбался и пытался развеселить задумчивую девушку.

Кофейня встретила ароматом ванили, шоколада и, конечно, кофе. Сама ресторация была совсем маленькой, в нишах – всего четыре столика, укрытых коричневыми скатертями. Над каждым – небольшой светящийся шар, несколько таких же над стойкой, остальное помещение погружено в романтичный полумрак. Кристина понимающе хмыкнула, увидев эту обстановку, мягкие диванчики в альковах, так располагающие к близкому общению. Хантер рассмеялся, заметив ее скептическую улыбку.

– Здесь очень вкусный кофе. Поверьте мне. Самый вкусный во всем городе.

Кристина фыркнула и, скинув пальто на руки прислужнику, села на диванчик. Хантер благоразумно устроился напротив, не решившись сесть рядом.

– Вы ведь приехали с севера? – поинтересовался он, сделав заказ.

– Снова знаменитая прозорливость дознавателя?

– На этот раз лишь сплетня, – любезно улыбнулся Хантер, не думая смущаться.

– А вы слушаете сплетни?

– Конечно нет. Но я не могу заткнуть уши. Особенно, когда речь идет о вас, Кристина.

– И что же обо мне говорят? – Кофе подали с корицей, кусочками горького шоколада и миндаля. В маленькой рюмке размером с наперсток принесли коньяк— тягучий и густой, словно сироп, и ледяную воду в высоком бокале. Хантер добавил спиртное в кофе, а вот Кристина воздержалась.

– Разное. – Мужчина сделал глоток и прикрыл свои темные глаза от удовольствия. – Вы ведь понимаете, что чем меньше информации, тем больше слухов.

– Я думала, дознаватели выше пустопорожних обсуждений, – усмехнулась девушка и тоже отведала кофе. Напиток был восхитительный.

– Дознаватели всего лишь люди, – рассмеялся Хантер. – Такие же, как и все, к сожалению. Не стоит нас идеализировать.

– Даже и не думала, – отозвалась Кристина с легкой улыбкой. – Но вы угадали, я действительно северянка. А вы родились в этом городе?

– Нет. – Хантер пил кофе маленькими глоточками. – Но я давно живу здесь. Вам уже назначили куратора?

– Нет, прежде мне нужно ознакомиться с вашими порядками.

– Скорее всего, вас прикрепят к господину Стоуну. Он недавно лишился ориты. Эх, знал бы, что в нашем унылом болоте появится столь прекрасное создание, как вы, самолично придушил бы свою Анну… Кристина! Простите! Неудачная шутка…

Он перегнулся через стол, протягивая салфетку девушке, которая поперхнулась от его слов.

– Ничего…– Кристина промокнула губы белоснежной тканью. – Просто я пока не привыкла к вашему… юмору.

– Профессиональная деформация, простите. – Хантер пожал плечами. – Не переживайте, через год работы у нас вы тоже сможете рассматривать воспоминания с места убийства и одновременно обедать.

– Это невозможно технически, – отбила Кристина.

– Вы хорошо осведомлены о специфике нашей работы.

– Если это был комплимент, то неудачный. Все знают, что янтарь памяти несовместим с едой.

– Зато превосходно сочетается с девятилетним виски, – подмигнул ей мужчина. – Чуть хуже – с коньяком, ну и совсем плохо, лишь в крайних случаях – с красным сухим вином.

– Вы снова шутите, Хантер. – Кристина все же рассмеялась, не удержавшись. Кофе заканчивался, и она с легким сожалением посмотрела в чашечку. Но на вторую времени уже не было, пора возвращаться в Хранилище.

– Но вы так и не сказали, отчего решили перебраться к нам с севера, – напомнил Хантер.

– А вы так и не сказали, откуда вы, – отбила Кристина. Они обменялись взглядами, и мужчина чуть криво улыбнулся.

– Вы слишком наблюдательны для женщины. – Он слегка склонил голову.

– О, Хантер, неужели вы из тех, кто ставит женщин ниже мужчин? Ну же, не разочаровывайте меня!

– Что вы, леди Кристина, мне кажется, что женщины на порядок лучше нашего примитивного мужского племени. Мы всего лишь дикие звери рядом с вами, голые инстинкты – вот и вся наша сущность.

– И это говорит дознаватель? – девушка покачала головой. – Представитель разумности и законности нашего мира. Кому мы доверяем свою жизнь?

– А вы доверяете? – темные глаза смотрели в упор, и смеха в них сейчас не было. Кристина замерла, неловкая пауза зависла в воздухе, хотя ничего страшного сказано не было. Хантер отвел взгляд, и снова на его лице заиграла улыбка.

– Шелд! Решил угоститься чашечкой горячего шоколада?

– Не откажусь.

К их столику подошел молодой мужчина и остановился с вежливой улыбкой. Кристина кивнула, бегло посмотрев на зеленоглазого блондина в черной рубашке, темной куртке и рваных джинсах. Он совсем не походил на дознавателя, скорее – на свободного художника из тех, что продают свои бесталанные полотна под мостами города. Блондин присел рядом с Хантером, жестом подзывая подавальщика.

– Не помню, чтобы приглашал тебя присоединиться, – возмутился Хантер.

– Разве? – блондин вскинул светлые брови и подмигнул Кристине. – Ты снова все перепутал, дружище. Только что сам сказал мне: Шелд, я так рад тебя видеть, присаживайся, прошу, и кофе за мой счет! Леди, вы ведь тоже слышали, как настойчиво он уговаривал меня к вам присесть?

Хантер возмущенно фыркнул, а орита улыбнулась.

Глава 2

Лето

Кай

Утром дождь по–прежнему заливал Старый Город, земля набухла от влаги и, кажется, уже не впитывала потоки бесконечной воды. Река бурлила и готовилась выйти из своих каменных оков, затопив тротуары. Крылатые львы скалились с постаментов, а химеры и горгульи раскрывали крылья и словно отряхивались порой, когда были уверены, что люди на них не смотрят. Впрочем, люди в такую погоду никуда не смотрят. Счастливчики едут в своих экипажах, сонно моргая и сдерживая зевоту, неудачники бредут в потоках воды, грязной снизу, холодной сверху. Черные купола зонтов не в силах укрыть от дождя, порывы ветра швыряют брызги в лицо, а спицы бесполезных конструкций лишь выгибаются в бессильном желании превозмочь стихию. Или вырваться из цепких рук и улететь, взмахивая тряпичными крыльями в безнадежной мечте стать

птицей. Неудачники злятся, но продолжают упрямо держать эти черные бесполезные штуки над головой, опасаясь выглядеть глупо в толпе таких же глупцов.

Я засунул руки в карманы, рассматривая людей. Потом поднял голову, подставляя лицо дождю и улыбаясь. Если бы кто–то смотрел на меня, то увидел бы сумасшедшего. Но люди не смотрят. Они воюют с зонтами и глядят себе под ноги, в жидкую городскую грязь. Это им интереснее окружающего мира и его красоты, интереснее отряхивающихся химер и призрачных отражений зданий на мокром граните. А мне казалось, что в этих отражениях плывет другая реальность, искаженная и изломанная, и однажды я смогу шагнуть в этот мир, нарисованный дождем.

Хронометр городской башни отсчитывал время – бесстрастный страж, сурово бдящий уходящие мгновения нашей жизни. Колокол зазвенел глухо, а дождь застучал сильнее по водостокам, заглушая своего бронзового соперника и не понимая, как слажен и гармоничен их дуэт. Симфония капель и металла. Красиво…

– Эй, вы, ну помогите же мне! – Хриплый голос весьма бесцеремонно оторвал меня от удовольствия созерцания. Обернулся, скептически рассматривая тонкую фигуру, скрючившуюся на постаменте. Подходить ближе не спешил, и мальчишка повернул недовольно голову. Лицо его казалось бледным мазком в провале серого капюшона бесформенной куртки, из–под которой виднелись мешковатые коричневые штаны и тяжелые мужские ботинки.

– Что вы там застыли? – снова окрикнул он. – Помогите мне! Он же сейчас упадет!

– Кто?

– Мрак! Да вы очнетесь сегодня или нет? Идите сюда!

Подошел я исключительно от недовольства. Этот голос и сама несуразная фигура у реки как–то нарушали гармонию этого места, мне хотелось поскорее стереть эту несуразность и снова погрузиться в бурление потока, отражение и одиночество, в котором я пребывал. Мальчишка все портил. Он застыл на самом краю гранитного парапета, так что я всерьез подумал, а не дать ли ему пинка.

Один толчок, и парень свалится в воду, а река унесет его вниз по течению, на земли летнего протектората. Там, возможно, и выберется, хотя его дальнейшая судьба меня совсем не интересовала. Достаточно уже того, что его не будет здесь, в этом месте, давно облюбованном мною для уединения.

– Нет, вы что, глухой? Или не шибко умный? – Мальчишка, не подозревая о моих мыслях, кажется, сердился всерьез. Даже голос стал тоньше и звонче. – Возьмите вон ту палку и засуньте в дырку!

– Зачем? – Я покосился на мокрую и склизкую ветку, точно не собираясь брать ее в руки.

– Там мрак! Ну что непонятного? Ткните с той стороны, а я здесь поймаю! Да не спите вы! Ау, утро на дворе, солнце светит в левый глаз! Парам–пам– пам!

Я хмыкнул. В воду. Определенно. Мозги заодно прочистит: кажется, там опилок предостаточно. Шагнул ближе, намереваясь скинуть парнишку с парапета, но в дырке жалобно и тихо… мяукнуло.

– Там что, кошка?

– Кот! Я ведь говорю – Мрак! Битый час талдычу! Там закрыто, но я боюсь, что если пошерудить, он в воду свалится!

– О себе бы беспокоился.

– Что?

– Ничего. Лови своего Мрака.

Наклонился, отбросил тряпку, которой было заткнуто отверстие, попытался заглянуть. Труба была узкой – непонятно, как там вообще поместилось животное. Такие вставляют для отвода воды, если уровень реки поднимется до этой высоты. И сейчас там шевелилось что–то живое, безмозглое и мяукающее. Ветку я брать не стал, просто присел и крикнул в узкую трубу.

– Выскочил! – радостно заорал охрипший голос и закашлял надрывно. Я выпрямился, поднял голову к небу, все еще затянутому тучами. Дождь стихал, в разрыве серых клочьев даже показался кусочек синевы.

Если выглянет солнце, то этот день можно считать окончательно испорченным.

Повернулся и пошел в сторону башни.

– Эй, стойте! Вы куда?

Мальчишка догнал и пошел рядом, приноравливаясь к моему шагу. Мяукающее и безмозглое теперь сидело в глубине его необъятной куртки.

– Куда это вы?

– А что, у тебя там еще один кот застрял? – безразлично бросил я.

– Да нет, – растерялся он. – Один он у меня. Мрак. Да он и не кот еще, котенок… Хотите посмотреть?

– Нет.

– Что, вам совсем не интересно, кого вы спасли?

– Я никого не спасал. Я просто крикнул в трубу.

Мальчишка посопел рядом со мной, удобнее устраивая животное и придерживая шевелящийся комок на груди. Комок норовил сползти на живот, и парень пыхтел недовольно, но не останавливался.

– Ну, посмотреть на кого вы крикнули. В трубу. Что, ни капельки не интересно?

– Нет.

– Совсем–совсем?

– Нет.

– Так не бывает, – убежденно протянул настырный мальчишка. – Точно вам говорю. Все люди любопытные, а вы что – нет? Вы разве особенный?

– Нет.

– Вот заладил, нет и нет! – рассердился он и запыхтел еще громче. Кот затих, пригревшись за пазухой куртки. – Как будто других слов нет! Тьфу!

Я резко остановился.

– Показывай.

– Что?

– Кота.

Мальчишка помялся, переступая с ноги на ногу. В его тяжелых ботинках хлюпнула вода. Наклонил голову ниже, чтобы спрятать своего драгоценного кота от дождя, и расстегнул куртку.

– Вот. Это Мрак. Правда, красивый? А вас как зовут?

Из темного нутра и драной подкладки на меня смотрело мокрое и облезлое создание, желтоглазое и усатое, типичный представитель дворовых и беспородных семейства кошачьих. Но помимо совсем не примечательного Мрака за серой бесформенной курткой таилось и другое – острая девичья грудь, не стесненная бельем и натянувшая тонкий свитер. Я поднял взгляд и внимательнее посмотрел в лицо «мальчишки». Симпатичное лицо, курносое, с россыпью веснушек. Губы пухлые, но искусанные, с засохшей темной коркой.

– Так как вас зовут? – повторила девушка. И глаза у нее, словно мед горчичный. Темные, а в глубине янтарные.

– Никак. – Я отвернулся и быстро пошел к башне. Не оглядываясь.

***

Осень

Кристина

…– Крис, милая, где ты?

Тяжелые шаги за дверью огромного платяного шкафа, в котором она спряталась. Шкаф большой, а Криси маленькая, совсем крошка, и ей удобно сидеть на плетеном сундуке, что прячется в углу ее тайника. К тому же она не одна, с ней друг – большой лохматый пес с одним ухом: второе оторвалось, и мама все обещает пришить, да всегда находятся дела важнее.

Но Крис не жалуется, пес нравится ей и одноухим.

– Криси, детка, ну где же ты? Выходи немедленно! Хватит прятаться, вредная девчонка!

Голос все зовет и зовет, и маленькой Крис смешно, что тот, кто ищет ее, так глуп. Ведь вот она, Кристина, под самым носом, но голос то удаляется, то приближается, человек заглядывает под кровать и громко хлопает ящиками комода, как будто девочка может спрятаться в их узком пространстве, набитом всякой всячиной. А в шкаф, большой и удобный, не заглядывает. Крис зажимает рот ладошкой, чтобы не хихикать, и прижимает к себе пса.

– Криси–и–и, девочка, мне придется тебя наказать!

Она все еще хихикает, но что–то меняется, и смех застревает в горле. Огромный платяной шкаф, такой надежный и уютный, вдруг уменьшается, он становится все ?же и ?же, а сама Кристина все больше. Еще немного, и она застрянет между створок, ее сдавят деревянные стенки, расплющат, словно гусеницу.

– Криси–и–и…

Голос все ближе. И тот, кто ищет, уже не хлопает дверцами и створками, он ходит кругами вокруг ее ненадежного укрытия и притворяется, что не знает, где сидит, умирая от ужаса, его жертва. Он знает. Он все знает, и лишь делает вид, что ищет, а сам смотрит с усмешкой на шкаф, играет, потому что он любит играть. И любит ее страх, ее подкатывающую к горлу тошноту, ее панику, от которой руки становятся ледяными и мокрыми, а сердце стучит так, что больно в груди и ничего не слышно…

– Кри–и–исс, выходи, милая… Ты ведь все равно от меня не спрячешься…

И она тихо всхлипывает. Потому что он прав: не спрячется… Пес в ее руках смотрит с укором, и второе ухо ему так и не пришили…

…Со вздохом Кристина проснулась и рывком села на постели. Осмотрелась. Ночник высветил мирную и безопасную обстановку ее спальни: шоколадные занавески, молочную кушетку у кровати и светлый ковер. В углу напольная ваза, узкая и изогнутая, словно змея, в ней одинокая белая орхидея. Никаких шкафов и никаких голосов. Просто кошмар.

Девушка потрясла головой и опустила ноги, ощутив ступнями мягкий ворс ковра. В окнах темно, значит, еще не рассвело. Но она по опыту знала, что уснуть уже не удастся. Накинула на обнаженное тело скользкий шелк пеньюара и прошла на кухню. В доме пусто и тихо, домработница проживает отдельно, и приходит, лишь чтобы навести порядок и приготовить еду. Кристина не любила в своем доме посторонних. И не хотела лишних глаз и ушей. Дом, погруженный во тьму, словно разглядывал ее, прислушивался к шагам босых ног. Но девушка упрямо не включала свет, не пригибала голову и не таилась. Она шла по темному коридору, высоко подняв подбородок и ступая уверенно. Она – хозяйка. И никому не позволит себя напугать.

На кухне тоже горел ночник, но здесь Крис уже зажгла свет. Здесь уже можно. Ровное белое свечение залило удобное помещение, чистое стараниями кухарки. Девушка щелкнула кнопкой чайника. Достала из шкафа полотняный мешочек с кофе, осторожно развязала. Острый запах юга и солнца наполнил холодную отстраненность кухни, и Крис улыбнулась. Она любила варить кофе: этот процесс успокаивал и в то же время дарил вдумчивую сосредоточенность. Единение бронзовой турки, черных измельченных зерен и воды, неспешное, идущее со дна бурление, маленькие пузырьки по краям… Щепотка соли и перца, корица на кончике ножа, когда напиток готов. Первый глоток острый, бодрящий,

настолько живой, что согревает изнутри своим огнем и щедро делится с девушкой этим ощущением жизни.

Хронометр показывал начало пятого, и Крис, допив кофе, неторопливо приняла душ, а потом прошла в гардеробную. Здесь тоже царил идеальный порядок: ровные ряды вешалок и чехлов, призванных защитить от пыли и моли, которая умерла бы от ужаса, лишь заглянув в это стерильное царство. На полках – туфли, полусапожки, сапоги… Все безупречного вида, как и положено истинной леди. Истинная леди…

Крис откинула голову и рассмеялась. Ее смех в пустой тишине дома прозвучал слишком громко, и она вздрогнула. И тут же рассмеялась громче, назло своему страху. А потом прошла в комнату и нажала кнопку системы. Тяжелые звуки ударных разорвали тишину и взорвали спокойствие спящего дома. Музыка била, словно плеть, беспощадно, больно, тягуче и ритмично, избивала чувства и терзала слух, а Крис выгибалась, сбросив свой пеньюар и закрыв глаза, подставляя тело и душу под удары этой плети. Музыка гремела, заглушая стук собственного сердца и освобождая Кристину от оков. Она любила танцевать. Любила это ощущение полета и власти над своим телом и душой, любила свободу движения, когда она могла быть собой и не притворяться, подчиняться лишь музыке, разрывающему ритму тяжелых ударов на грани какофонии.

Самая высокая, затянувшаяся нота, словно крик умирающего. Она звенит, дрожит и обрывается, а после нее – тишина. И свобода.

Кристина вынырнула из омута музыки и танца, открыла глаза. И прижала ладонь к губам, чтобы не вскрикнуть. Огромное темное окно гостиной было не зашторено, и там, с другой стороны, в темноте сада кто–то стоял и смотрел на нее. Девушка видела черный силуэт – лица не разобрать, конечно, но ей казалось, что человек в саду смотрит жадно и насмешливо, а еще – с ожиданием…

Миг, и Крис накинула пеньюар. Еще миг, и в ее руку скользнуло тонкое лезвие стали, а уже в следующую песчинку времени она распахнула тяжелую створку и, перевалившись через низкие перила террасы, упала в сад. Пригнулась, озираясь, готовая к нападению в любой момент. Тихий сад шелестел яблонями, остро пах астрами и уже осыпающейся листвой. Шуршал ветвями. Обнимал предрассветной тьмой. И надежно укрывал чужака, если он и был.

– Я не сумасшедшая! – яростно прошептала Крис и оглянулась. Темные тени лежали под кустами и деревьями. Высокие фонари не рассеивали тьму, а лишь украшали ее кружевными узорами света.

– Кто здесь? – Яростный возглас девушки утонул во мраке и показался жалким. – Кто? Выходите немедленно, или я вызову законников!

Собственный голос показался тихим и испуганным, а угроза – смешной. Темнота лишь осыпалась лепестками поздно цветущих хризантем. И Крис метнулась туда, изо всех сил сжимая свой нож и не чувствуя холода сырой земли.

– Выходи! – заорала она, останавливаясь на границе призрачного света фонаря. Дальше было темно.

– Госпожа Дирхойт, с вами все в порядке? – Холодный голос прозвучал так обыденно и сухо, что Кристина подпрыгнула и обернулась. И мысленно застонала, увидев за низкой оградой сада того, кого меньше всего ожидала здесь увидеть.

– Лорд Дартер, позвольте узнать, что вы здесь делаете? – Она даже не потрудилась добавить в голос хоть каплю вежливости.

Он кивнул с нарочитой любезностью.

– Вообще–то я здесь живу, леди. – Орин смотрел невозмутимо. – Я думал, вы в курсе, что мы соседи.

Кристина застонала еще громче. Но все еще мысленно. Когда она арендовала этот дом, то ее прежде всего привлекло месторасположение – в этом районе было всего несколько домов, и все на достаточном удалении друг от друга. Единственное здание, что примыкало к саду, стояло темным и казалось необжитым, сад на стороне соседа разросся и больше походил на кусок дикого леса. И сам арендатор уверил, что сосед – из аристократов и в этом доме появляется крайне редко, в основном проживая в поместье за городом. Тогда Крис сочла такое соседство идеальным. И вот теперь выясняется, что этот проклятый аристократ – не кто иной, как лорд Дартер!

Ужасно.

– Мне показалось, что вы кричали, – любезно оповестил он. И внимательно осмотрел ее кое–как подпоясанный короткий халатик, грязные голые ноги, растрепанные волосы и нож в левой руке.

Кристина вскинула подбородок.

– Я видела в саду постороннего, – бросила она.

– И решили догнать его и перерезать горло? – он с насмешкой кивнул на нож. – Вы удивительно… смелы, леди.

Или глупы. Это слово повисло в воздухе, и Кристина нахмурилась. И правда, на что она рассчитывала? На то, что догонит того, кто был в саду, и воткнет клинок в спину? Или заставит во всем сознаться и добровольно сдаться законникам? Бред какой. Но она испугалась… а больше всего на свете Кристина не любила бояться. И именно этот страх страха толкал ее порой на безрассудство, как сейчас. Между тем лорд уже поднял руку с браслетом, отдавая распоряжение.

– Я приказал законникам проверить мой сад, леди. Если позволите, то и ваш. Они найдут следы, если посторонний был, а я проверю янтарем. Но вам следует… одеться, если не хотите, чтобы охрана видела вас… в этом наряде.

Кристина посмотрела на свои ноги и судорожно вздохнула.

– Да, конечно. Благодарю, лорд Дартер.

Она развернулась, чувствуя его взгляд, и торопливо пошла по дорожке, стараясь держать спину ровно и не сорваться на бег. И теперь была рада, что в предрассветной тьме не видны ее жутко алеющие щеки.

***

В дверь постучали через полчаса, когда Кристина уже успела торопливо принять душ, надеть строгое черное платье с серебряной оплеткой на вырезе и гладко зачесать волосы.

И она уже знала, кого увидит, потому лишь кивнула, по возможности вежливо, впуская в свой дом Орина и широкоплечего мрачного мужчину со шрамом на щеке и рваным левым ухом.

– Леди Кристина, это первый законник зимнего протектората, Дарт Кастер. Вы могли бы рассказать все, что видели? Поверьте, это необходимо. Здесь закрытая территория, и если посторонний был, Дарт найдет его.

Кристина бросила на лорда убийственный взгляд. От нее не укрылись эта вежливая формулировка и сомнение, облаченное в такт. «Если посторонний был», а не привиделся излишне впечатлительной леди!

– В моем саду кто–то стоял! – Кристина бросила фразу отрывисто и вздохнула, заставляя себя успокоиться. – И мне не померещилось. Проходите, сейчас подадут кофе.

С кухни уже плыли запахи готовящегося завтрака. Пока Крис приводила себя в порядок, пришла Клавдия, сочетающая обязанности кухарки и домработницы. Женщина заглянула в гостиную и уже через минуту вернулась с серебряным подносом, на котором стояли чашечки с ароматным напитком, крошечные пирожные и малюсенькие кусочки шоколада. Кристина поймала взгляд законника, устремленный на это великолепие, и тихо приказала кухарке приготовить что–то посущественнее.

– Расскажите, что вы видели, – попросил Дарт. Его голос был мягким, каким–то обволакивающим, что странно не вязалось с массивной фигурой и лысым черепом. Но почему–то этот голос внушал доверие.

Крис присела на кушетку, изящно скрестив ноги в замшевых туфлях на высоких каблуках.

– Почти ничего, – со вздохом признала она. – Я проснулась, спустилась на кухню, выпила кофе. Потом решила… потанцевать. И включила музыку.

Законник кивнул, а лорд чуть приподнял бровь. Но от лорда Кристина отвернулась. Клавдия вплыла в гостиную и поставила на низкий столик огромную тарелку с пышным омлетом и кусками розовой, сочащейся соком

ветчины. И большую кружку чая, щедро сдобренного вареньем. Дарт плотоядно осмотрел все это великолепие и почти влюбленно оглянулся на кухарку. Орин от завтрака отказался, вежливо сообщив, что не голоден. Зато законник накинулся на угощение со здоровым аппетитом и без ложной скромности.

– Вы говорите, говорите, леди, – он одобряюще махнул рукой с золотистым хлебом, – я слушаю.

– Собственно, это почти все, – равнодушно отозвалась Крис. – Я танцевала, а когда посмотрела в окно, увидела, что в саду кто–то стоит и смотрит на меня. Мужчина.

– Вы уверены, что это был именно мужчина? – с набитым ртом уточнил законник.

– Да… Высокая фигура, в штанах и куртке с капюшоном. Мне показалось, что с капюшоном…

– Вы видели, или вам показалось?

Кристина резко повернула голову на задавшего вопрос лорда. Его лицо выражало полнейшую безмятежность, он пил кофе, удобно расположившись на софе.

– Я ведь сказала, что не видела точно, – чуть раздраженно ответила Крис. – В гостиной горел свет, а в саду было темно, как вы успели заметить!

Орин поднялся, все еще держа в руках крохотную кофейную чашечку, и прошел по мягкому ковру. Крис посмотрела на его идеально чистые туфли.

– Вы здесь танцевали? – он остановился с краю ковра.

– Откуда вы знаете? – нахмурилась Крис.

– Если бы стояли чуть дальше, вас не было бы видно оттуда, – он кивнул на огромное окно. Дарт увлеченно жевал, но что–то подсказывало Крис, что образ недалекого увальня – это лишь маска. И чуть вздрогнула, когда, дожевав, законник спросил:

– Леди Кристина, а вы танцевали… в одежде?

– Нет, – безразлично бросила она. Законник кивнул и принялся доедать омлет, а Орин все так же смотрел в сад через стекло.

– Эта сторона дома выходит на сад, – негромко пояснил лорд. – С двух других сторон не подойти, там глухая стена. Когда–то это была одна территория, потом сад разделили, когда мой предок подарил этот дом одной из своих… пассий.

Кристина смотрела на его спину. И сейчас напряженно сидела, не зная, стоит ли задать вопрос, что вертелся на языке. Но лорд сам озвучил ответ.

– Я никого в саду не видел.

Дарт доел и вытер рот салфеткой.

– Видите ли, проблема в том, что в саду мы не нашли следов. Совсем. А если бы там кто–то стоял, то следы должны быть.

–То есть как не нашли? – опешила Крис.

– Вот так. Почва не потревожена, и на дорожке лишь отпечатки ваших босых ног. Четкие. Дерн влажный и следы явные. Но других отпечатков в саду нет. Лорд Дартер проверил янтарем, вы ведь понимаете, что янтарь не врет? – Дарт поднялся, отдернул рукава тяжелой куртки, которую так и не снял. – Вы знаете, что ваш дом подключен к системе, леди Дирхойт? Почему вы не нажали тревожную кнопку, а предпочли самолично выскочить в сад?

– Я не подумала, – сквозь зубы прошипела Крис.

– Мы еще раз просмотрим сад, но вряд ли результаты изменятся. Если заметите что–то подозрительное, просто нажмите тревожную кнопку. Законники будут возле дома уже через минуту. Вы знаете, где находится наша точка?

– Да, – глухо сказала Кристина. – Мне говорили.

– И спасибо за завтрак, леди, – Дарт кивнул и пошел к двери. Лорд Дартер остался на месте, и Кристина несколько раздраженно посмотрела на его спину. В гостиной повисла тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем хронометра.

– А знаете, что больше всего меня удивило? – задумчиво протянул он, не оборачиваясь.

Кристина поднялась, сделала шаг к мужчине. Он повернулся, рассматривая ее. И чуть улыбнулся.

– И что же вас удивило? – равнодушно протянула она, всем своим видом показывая, насколько ей это неинтересно.

– Нож, – с улыбкой пояснил Орин. – Меня удивил нож в вашей руке, леди Дирхойт. Вы танцевали, а через миг уже выбежали в сад с ножом в руке. И это был не кухонный нож. Это был дарайский клинок, довольно опасное оружие. Знаете, его очень любят наемные убийцы.

Кристина молча смотрела в его лицо, в серые, как омут, глаза, в которых дрожала насмешка. И что–то еще, чего она не могла разобрать.

– Мир нынче не безопасен. – Она чуть склонила голову и холодно улыбнулась. – И мне пришлось научиться себя защищать.

Он снова приподнял бровь, и Кристине захотелось воткнуть в него тот самый клинок. Лорд кивнул и пошел к двери, обогнув девушку, застывшую в центре ковра.

– Прекрасный кофе, благодарю, – как ни в чем не бывало сказал он.

– Я передам вашу благодарность Клавдии, – отозвалась Кристина.

– Я вызвал экипаж до Хранилища. – У двери он обернулся. – Вы составите мне компанию?

– Простите, но я предпочитаю добираться со своим водителем, – вежливо улыбнулась девушка. Он снова кивнул и потянул дверную ручку. И Кристина не

сдержалась.

– А что вы делали в саду, лорд Дартер? – негромко спросила она. – В такое время, в темноте?

Мужчина обернулся, и в серой глубине глаз мелькнуло что–то тревожное. Но он снова чуть улыбнулся.

– Гулял, леди. Я люблю утренние прогулки.

И вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Кристина не удержалась и обхватила себя руками. Ладони были ледяными. Сад проверили и не нашли следов, янтарь не врет. Но вполне может врать сам лорд Дартер.

Глава 3

Лето

Кай

Город очистился от тумана, и меня это печалит. Я не люблю ясные и солнечные дни и рад, что они редкость в этом городе. Если бы это было не так, мне пришлось бы уехать на север, туда, где ледяная корка сковывает землю, а в воздухе висит снежная пелена.

Но холод, пробирающий до костей и вымораживающий кровь и слезы, я тоже не жалую. Хоть он и предпочтительнее жары.

Лучше всего здесь, в древнем и мертвом городе, населенном каменными химерами и статуями давно исчезнувших людей. Порой мне кажется, что эти

застывшие изваяния живее тех, кто все еще дышит. В этом городе всегда зябко и сыро, а извечный туман скрывает лица. Можно укутаться в шарф, поднять воротник и не видеть чужих глаз. Никого не видеть. Я бы хотел этого… слишком сильно порой, как сильно я бы хотел никого не видеть!

Люди раздражают. Своей убогостью, жадной потребительской глупостью и ханжеством. Лицемерные улыбки, лживые взгляды, неискренние слова. Ложь, ложь, ложь… Я слышу ее в каждом звуке, вылетающем из ртов вместе с брызгами слюны. Смрад. Он окружает меня, не давая дышать, и я порой задыхаюсь от гнилого запаха тех, кто мнит себя людьми…

Я не верю им, но тоже вру. Я вру больше их всех, притворяясь тем, кем никогда не был. И от этого ненавижу себя.

Есть несколько способов освободиться от этого безумия, от смрадной темноты, что с каждым днем все гуще. Я барахтаюсь в ней, словно в тухлом болоте, и боюсь задохнуться, утонуть и навсегда исчезнуть в топи человеческого бытия. Мне тошно… Великие боги, как же мне порой тошно…

Потряс головой, приходя в себя. Порой перебить запах гнили помогает крепкий кофе, и я пью его литрами, заменяя кровь черной и горькой жидкостью. Иногда не помогает даже это, и мне нужно что–то сильнее. Запах страха, способный перебить смрад, и я иду туда, где получу его.

Ночь встречает меня серыми клоками тумана и вкусом пепла на языке. Звезд сегодня не видно. До реки добираюсь с водителем, а через мост уже пешком. Иду вдоль перил, рассматривая черную воду в просветах решетки. Река лежит монолитно, словно не вода, а кусок черного гранита, холодного и жесткого. На ней нет волн или ряби, кругов от рыщущих на дне рыб, да и самих рыб нет, только торчат по берегам сухие палки тростника. Пару раз возле меня тормозят экипажи, но я отмахиваюсь и ниже опускаю голову, пряча лицо. На голове капюшон куртки, защищающий от мелкого дождя и чужих взглядов. Может, поэтому я и не люблю тепло. В жару приходится раздеваться, и чужие взгляды трогают тело, вызывая желание укрыться. Или тронуть в ответ. Но мои прикосновения чреваты, жаль, что глупые люди не понимают этого и смотрят, смотрят… Я слегка улыбаюсь, ступая на земли осенних. Предвкушаю…

Люблю здесь бывать, хотя любой из зимних аристократов скривится от одного упоминания этого места. Осенние считают себя свободными. Артисты, бродячие певцы, прислуга, художники и творческие личности, которые мастерски выпрашивают милостыню под мостом или воруют у презренных богачей. Кто–то творчески и с выдумкой, а кто–то глупо и бесталанно. Они презирают оковы, но отчаянно завидуют, провозглашают свободу с загаженных птицами постаментов и мрут десятками от речного мора и гнили. Зато верят, что умирают тоже свободными.

Респектабельная часть осеннего протектората меня не интересовала, там проживают толстые кухарки и одышливые ремесленники, которые о свободе тоже говорят, но в собственных домах и после изрядной порции темного хереса. А поутру надевают фартуки, льстивые улыбки и идут угождать тем, у кого есть деньги, чтобы заплатить.

Я шел мимо низких спящих домов с геранью на тесных балкончиках, всматриваясь в чужую жизнь без интереса и симпатии. Герань сменилась чужим исподним, развевающимся на ветру, а дома стали приземистыми, облезшими, словно пригнувшиеся к земле старики: озлобленные и нищие, растратившие жизнь на что–то ненужное и бесполезное, но осознавшие это слишком поздно. По углам в чернильных тенях таились бородатые немытые тени, смотрели с опаской и злой жадностью. Раз мне навстречу даже выдвинулась пара таких отморозков, но я раскрыл араканы, спокойно демонстрируя двойные лезвия. Тусклые клинки казались слишком чистыми для этого места, и я был бы не прочь их слегка испачкать чужой кровью. И даже пожалел, что тени так же молча растворились во мраке кривых улиц, не решившись напасть на одинокого путника.

Я рывком свернул лезвия и ускорил шаг. Меня гнал не страх, меня торопило ожидание. Тьма обнимала мягко, но ее нежные объятия смертельны, мне ли не знать.

Нужное мне здание – глухое, с темными окнами и неприглядной обшарпанной дверью. Снаружи никто не догадается, что его ожидает внутри. Но я здесь не впервые, и потому роскошное убранство холла не впечатлило. Легкий полумрак, натуральные свечи и розовые лепестки, плавающие в круглых чашах с водой. Мягкие ковры пустынников, что глушат любые звуки и услаждают взор. И, конечно, девушки и юноши. Молодые, некоторые даже слишком молодые, но с одинаково порочными взглядами на красивых лицах.

Я не стал снимать маску – обычная предосторожность в таких местах.

Старшая хинда склонилась, мазнув по ковру ладонью, и выпрямилась с улыбкой. В глаза не смотрит, конечно – рассматривает застежку на моей куртке, но улыбается старательно. Я же рассматриваю поверх ее головы полуобнаженные тела.

– Кого изволит выбрать господин? – Голос хинды нежен и услужлив, ладони открыты. Тела выгибаются, принимая соблазнительные позы, губы открываются в призыве, напрягаются животы в попытке изобразить сладострастие. Ничтожные уловки, способные обмануть лишь глупца или того, кто хочет обмануться. Я не хочу, я точно знаю, зачем я здесь. Смотрю почти равнодушно, задерживаюсь взглядом на тонком юноше, белокуром и вызывающе красивом. Он замечает мой взгляд и призывно облизывает губы. Я же просто смотрю, прислушиваюсь к себе, пытаясь понять, чего хочет моя тьма. И уже почти соглашаюсь на парня, когда замечаю темные волосы и бледное лицо. Сердце срывается в галоп, а в горле сразу пересыхает, так что я судорожно дергаю горлом, пытаясь глотнуть хоть немного исчезающего воздуха.

– Она, – хрипло выдавливаю я и, резко развернувшись, иду наверх, туда, где расположены личные комнаты. Жадно пью из хрустального стакана, прислушиваясь к шагам за спиной, и лишь потом оборачиваюсь.

Темные волосы, тонкие черты лица, холодные, как бывают лишь у истинных зимних, которых почти не осталась. После многочисленных смешанных браков такая внешность —редкость. Глаза цвета стужи, глубокие и морозные, колючие и обжигающие. Я люблю такие глаза… Она еще не успевает произнести традиционное приветствие, а я уже сминаю ей губы пальцами, заставляя молчать и открыть рот. Я не хочу слышать голос, ведь он наверняка разочарует меня, разобьет хрупкую иллюзию узнавания. А я хочу еще хоть немного подышать ее стужей, почувствовать иней ее губ, посмотреть в морозную темноту глаз. Трогаю ее влажный язык, провожу пальцем по зубам. Девушка не двигается, ей не привыкать к странностям клиентов, но думать об этом я не хочу. Если немного напрячься, то можно представить, что я первый, самый первый у этой зимней девы, слишком юной и слишком порочной.

Ее кожа белая как снег, и мне это нравится. Медленно стягиваю с нее шелк, что лишь подчеркивал ее прелести, ничего не скрывая. Обнажаю плечи, потом

грудь, узкую талию и живот. Бедра. Черная ткань, расшитая розами и бабочками, падает к ее ногам, и под ним на девушке ничего нет. Я захожу ей за спину, снимаю ленты с темных волос. Трогаю их, глажу, пропускаю между пальцев снова и снова. Хинда чуть дрожит: я не нравлюсь ей, чувствую нутром ее учащающееся сердцебиение. Мои размеренные движения пугают девушку, но она стоит молча и не задает вопросов. Лишь вскрикивает, когда я резко дергаю ее за волосы, заставляя хинду упасть мне на грудь. Второй рукой прижимаю, не давая отстраниться.

– Я хочу, чтобы ты молчала, – приказываю я. – Не произнесла ни звука, что бы я ни делал. Поняла меня?

Она кивает. Понятливая. Непонятливые в таких местах не выживают.

– Отойди к стене и обопрись руками.

Она исполняет, а я отхожу к двери. Запираю. Прикрепляю сигнальный маячок и ловушку, проверяю ставни на окнах, вешаю тревожную петлю. В таких местах нужна осмотрительность… Смотрю на ее склоненную голову, на темные волосы. На тень позвоночника и выступающие косточки. Она перебирает ногами, но не выпрямляется, как я и велел. Я расстегиваю куртку и молнию на джинсах. Останавливаюсь за ее спиной, провожу пальцем по позвонкам снизу вверх, до самой шеи. Потом вниз до мягких ягодиц и снова верх.

Нутром чувствую, что девушка нервничает. Почему? Ведь я не делаю ей ничего плохого. Лишь прикасаюсь… Но она дрожит и снова перебирает ногами в инстинктивной попытке убежать. Ее тело умнее разума, оно уже чувствует опасность и впрыскивает адреналин в кровь, учащает пульс и ускоряет ритм сердца, приказывая спасаться.

Но она стоит.

И я чуть усмехаюсь под серой маской, что закрывает лицо до самых глаз.

– Молчи, – шепчу я. А потом вхожу в нее, так что молния куртки царапает ей кожу. Она промолчала. Рывки и толчки…Я просовываю ладонь под ее живот, чувствую приближение пика и резко отстраняюсь, дергаю ее, разворачиваю…

Отхожу к столу, вытираюсь салфетками. Смотрю на нее через плечо и снимаю куртку. Хинда все еще на коленях, смотрит в пол и дрожит. Она видела лезвие в моей руке и чувствовала мою тьму. Подобные ей всегда ее чувствуют: жизнь на краю не дает им обмануться, слишком часто они заглядывают в бездну и уже давно научились видеть ее приспешников. Безумцев типа меня.

Возвращаюсь к девушке и приподнимаю ее подбородок, рассматривая лицо. Миловидное, с чуть припухшими губами и светло–карими глазами. Стужи в них нет. Теперь я вижу ее, а не свое безумие, тьма отпускает, и мне становится легче.

Я поднимаю девушку на руки и несу к кровати, осторожно опускаю и целую ей шею. Нежно. Ласкаю ее губами, трогаю пальцами. Она все еще дрожит, не верит, сжимается под моими руками. Но мои губы настойчивы и умелы – уже через несколько минут она выгибается.

– Теперь я хочу слышать твои стоны, – я чуть усмехаюсь, гладя ей волосы и глотая горький запах ее страха, уже пережитого, но все еще будоражащего кровь. Сегодня я напою тьму этим запахом, и она отстанет. На какое–то время.

Девушка действительно стонет, и даже мой привередливый слух не улавливает в этом звуке фальши. Она стягивает с меня одежду, распахивает рубашку, целует мне грудь. Смотрит в лицо, внимательно и чуть удивленно.

– Ты красивый, – ее шепот трогает мою кожу, словно перо птицы. – Очень…

Милая порочная хинда. Мне с ней неплохо. И боги мрака сегодня добры к своей дочери. И ко мне.

***

Осень

Кристина

К полудню она успокоилась окончательно, и ночное происшествие отступило на задний план. Ей наконец назначили куратора, и Кристина изумилась, войдя в кабинет дознавателя.

– Господин Риххтер? Не ожидала…

Он положил бумаги на стол и поднял голову. Кристина окинула взглядом белоснежную сорочку с запонками, черные брюки со стрелками и идеально начищенные туфли. Сейчас ничего в этом мужчине не напоминало бродячего художника, даже зеленые глаза смотрели по–другому – жестче. И сразу стало ясно, что дознаватель старше, чем ей показалось в полутемной кофейне. Еще одна маска… Все здесь носят маски, даже она.

– Госпожа Дирхойт. Верховный назначил меня вашим куратором, мне нужна орита. Надеюсь, мы с вами сработаемся.

– Я тоже надеюсь, господин Риххтер, – кивнула Кристина. Первая растерянность прошла, и девушка с любопытством осмотрела большой кабинет. Стол завален бумагами, лишь в центре пустое место с хронометром и кристаллом связи. И узкий графин янтаря, закрытый хрустальной крышечкой.

– Можете занимать тот стол. – Шелд кивнул, показывая, и чуть улыбнулся. – И готовьтесь, у нас много работы.

– Конечно, господин Риххтер.

– Шелд, – мягко поправил он. – Мы ведь уже знакомы. Скажите, что вы знаете о янтаре и специфике нашей работы?

– Как и все, я изучала историю Измененных. – Крис покосилась на графин, сияющий жидким солнцем. – И про янтарь тоже знаю. Может, даже чуть больше, чем все, ведь созданием напитка памяти во многом обязаны моему мужу.

Риххтер кивнул.

– Да, я ознакомился с вашим делом. Ваш муж был выдающимся ученым, Кристина. Его смерть большая потеря для нашего мира.

Девушка с достоинством склонила голову, принимая соболезнования.

– Это так, Шелд.

– Все мы смертны, к сожалению. – Он переложил бумагу. – Или к счастью. Хорошо, значит, вы знакомы с нашими особенностями. Как много вам известно?

– Достаточно. – Крис отошла к окну, бросила взгляд на парк с аккуратными газонами и скульптуру Первого Измененного в центре. Его глаза были завязаны, а в руке он держал хронометр – символ времени. – После Великого Противостояния открытие янтаря стало настоящей сенсацией, ведь напиток давал возможность заглянуть в прошлое любого человека. Или даже места. Конечно, это могли делать лишь те, кто обладал врожденной аномалией, дефектом сознания – эмпатией. Или даром янтаря, как его еще называют. Этот метод позволяет раскрывать преступления и предупреждать новые. Традиционно дознавателями становятся мужчины, в силу… некоторых изменений, происходящих из–за принятия напитка.

Куратор кивнул.

– Все так. К сожалению, обыватели считают, что нам достаточно лишь глотнуть янтарь, и мы увидим любое событие в мире. Вы ведь понимаете, что это не так?

– Я знаю об ограничениях. Спектр покрытия – несколько лет, мало кто может погрузиться на десятилетия. Территориальная сфера замкнута, никто не может увидеть то, что произошло за тысячи квадратов от места преступления. И необходим накопитель, без него можно уловить лишь эманации и эфир, информация от которых считается недостоверной и не является доказательством в суде.

– Прекрасно. – Шелд слегка улыбнулся. – И что же может выступить накопителем?

– Металл. Кристаллы и камни. Соль. Некоторые сорта дерева. Реже и хуже – шелковые нити. Некоторые напитки. Кровь и лимфа. Полный перечень накопителей с массовой долей достоверности информации и допустимой погрешностью приведен в классификации Вельмута.

– Да, вы совершенно правы. – Куратор улыбнулся уже открыто и снова стал похож на бродячего художника с мальчишеской улыбкой. – Институт времени не зря выдал вам золотую ленту.

Кристина вскинула возмущенно брови.

– Вы меня проверяли?

– Немного. Всего лишь удостоверился, что вы понимаете, с чем вам придется работать. Ориты, конечно, не работают с янтарем, но и без этого здесь хватает… негатива.

– Я этого не боюсь. И все понимаю. – Кристина кивнула на кристалл, на котором застыло изображение: молодая девушка на темном полу, шея неестественно вывернута, в остекленевших глазах застыл ужас. – Я смотрела сводку по происшествию в летнем протекторате. Что–то уже удалось выяснить?

– Вот этим мы и займемся. Для начала. Законники переправили нам накопители с места преступления. Они там. – Он кивнул на холодильную камеру и отошел к столику. Налил янтарь в специальный стаканчик, сел в кресло, откинув голову. Кристина вытащила из камеры пакет и задержала дыхание, порадовавшись, что не стала завтракать. В прозрачном растворе плавали глазные яблоки.

– К сожалению, на месте убийства не было ни одного достоверного накопителя. Преступник не касался предметов. – Шелд приподнял стаканчик с напитком памяти, словно собирался выпить за здоровье Кристины, и осушил его одним глотком. – А как вы знаете, классификатор Вельмута относит роговицу глаз к первому уровню источников, почти без погрешностей… Так что давайте их сюда, леди.

Она задержала дыхание, хотя и знала, что никакого запаха, кроме резкого раствора сохранителя, не почувствует. Надела прозрачные перчатки и достала глазные яблоки. Шелд протянул ладонь, невозмутимо принял скользкие улики и откинулся в кресле. Его большой палец прижал один глаз как раз там, где была голубая радужка. Кристина подышала, надеясь, что ее не стошнит.

– Кристалл, – напомнил куратор, и она метнулась к столу, активировала свой браслет и положила пальцы на углубления в пластине. Хоть их и называли

кристаллами, но экран напоминал, скорее, тонкий срез слюды, в котором отпечатывалось все, что увидит хранитель. Крис не знала, что за картины проносятся за сомкнутыми веками дознавателя, он молчал, лишь сжимал зубы, отчего на щеках ходили желваки. На слайде медленно проявлялись образы: девушка со светлой косой заходит в дом, скидывает пальто, ставит на плиту чайник. Прислушивается, повернув голову. Смахивает крошки со стола, торопливо моет в щербатой раковине чашки. Достает пирог. Снова прислушивается. Хмурится. Идет в комнату. Помещение маленькое и темное. Что–то пугает ее, и она пятится, пятится, а потом бежит. Тот, кто был в ее доме, прыгает следом, и она поворачивает голову. Клокастая грязная борода, безумные глаза и скрюченные желтоватые пальцы с обломанными ногтями. Последнее, что видит девушка, прежде чем умереть.

Очевидно, что в дом к девушке забрался бродяга в поисках денег, или безумный под действием черной травы. Глупая и нелепая смерть…

Слайд заполнился, и Шелд открыл глаза. Осторожно опустил глазные яблоки в раствор и, поднявшись, убрал обратно в камеру. Прошел в смежную комнату, и Кристина услышала звук льющейся воды. Дознаватель мыл руки.

– Кристина, вы умеете варить кофе? – как ни в чем не бывало спросил он, появляясь в кабинете и вытирая руки бумажным полотенцем. – Знаете, у янтаря на редкость мерзкий вкус, каждый раз приходится перебивать хорошей порцией кофе. Так вы умеете его варить? Не хочется спускаться на первый уровень.

– Конечно. – Крис судорожно вздохнула, еще раз покосилась на кристалл, в котором застыли последние воспоминания убитой, и пошла в смежную комнату. Здесь обнаружились раковина, плита и добротная турка с длинной деревянной ручкой. – Вам с сахаром?

– Сделайте на свой вкус, – глухо отозвался из кабинета Шелд. – Я любой пью.

– Хорошо.

Запах кофейных зерен прогонял вязкую тошноту в горле, а процесс привычно успокаивал. И когда Кристина вернулась к куратору, то уже полностью взяла себя в руки.

– Данные нужно внести в реестр и сделать копии. – Шелд сделал глоток и одобрительно кивнул. – Великолепный кофе, Кристина, спасибо.

– Да, меня научил варить его муж. Он обучался у пустынников, кофе у них в крови…– Кристина села за стол, уже спокойно придвинула к себе кристалл, намереваясь обработать информацию и составить портрет убийцы. Данные передадут законникам, и уже они займутся поиском преступника. Она внесла первые пометки в реестр, замерла на миг. – Спасибо вам, – негромко поблагодарила она. Куратор кивнул, не отрываясь от работы.

***

Шелд

…Кофе действительно был хорош. Даже на его взыскательный вкус. Впрочем, как и сама новая орита. Леди. Молодая. Всего двадцать пять лет, богатая наследница покойного гения. Красивая. Он вспомнил, как увидел ее там, в полумраке кофейни. Девушка сидела вполоборота, и сначала он заметил профиль: точеный, словно на древней монете, черные волосы, как рамка. И когда сел напротив, лишь убедился в своем предположении. Такой типаж называют зимними. И Кристина была истинной зимней, с холодными светлыми глазами и белой кожей. Слишком хороша, чтобы копаться в чужих чудовищных воспоминаниях. Она держала тонкую чашечку, а он смотрел на ее руки с аккуратным маникюром и нежно–перламутровым лаком на ногтях. Потом снова поднял глаза на ее лицо. Губы без помады. Глаза подчеркнуты темным, и оттого кажутся еще холоднее. Волосы черной волной, легкая вуалетка закрывает половину лица и приколота заколкой с сапфиром. Платье тоже синее, глубокого насыщенного цвета. Вырез предельно скромный, воротник – стойка, в котором видна нежная ямочка горла… Эта ямочка привлекала его особенно.

Шелд поднял голову, рассматривая свою новую ориту. Она быстро взяла себя в руки после увиденного. У девушки хорошие нервы и самоконтроль.

Но он постарается, чтобы она его потеряла. И как можно скорее.

Куратор медленно улыбнулся, когда Крис подняла голову. Зеленые глаза мужчины потемнели, словно он думал о чем–то приятном.

***

Кристина

К вечеру Кристина могла думать лишь об одном: как добраться до постели, рухнуть на нее и уснуть. Количество ее дел и обязанностей росло в геометрической прогрессии, и ей приходилось лишь сжимать зубы, пытаясь делать сто дел одновременно. Шелд помогал ей по возможности, но у него дел было не меньше. К счастью, убийств больше не было, и после подробного хронометража с кристалла Крис занялась другими делами. И за весь день у нее не было ни одной минуты, чтобы отдохнуть. Пару раз заходил Хантер, но Кристина лишь отмахнулась от его приглашения пообедать. И снова уткнулась носом в бумаги, кристаллы, хронометры и слайды.

Предыдущая орита, похоже, последнее время не уделяла должного внимания своим обязанностям, так что Крис для начала пыталась систематизировать данные и навести порядок в общих данных. И даже не заметила, как день закончился, лишь подняла голову, когда на нее упала тень куратора. И вздрогнула от неожиданности. Шелд стоял у стола, опершись бедром, и внимательно смотрел на ее склоненную голову. Крис устало провела рукой по лбу.

– Который час?

– Пора домой, – усмехнулся он, сверкнув белоснежными зубами. – Вы так увлеклись, что мне не хотелось вас прерывать.

– Да, со мной такое бывает. – Девушка поднялась, с трудом сдержавшись от желания потянуться и выгнуть спину.

– Мне нужно закрыть кабинет, – пояснил куратор.

– Конечно, одну минуту. – Она торопливо вписала последний пункт и положила ручку. Шелд подал ей меховую накидку, убрал янтарь в шкаф, навесил ловушку. Они вместе вышли в коридор, и пока куратор закрывал дверь, опечатывая кабинет, Крис прислушивалась к тишине Хранилища.

– Кажется, мы последние, – с легким смешком протянула она. – Простите, я увлеклась работой. Знаете, это на самом деле очень интересно. Вам стоило напомнить мне о времени.

– Напомнить о времени… Оно само напомнит о себе, Кристина. Даже если мы того не хотим. Прошу вас.

Они пошли по притихшим коридорам, и эхо шагов разлеталось, отскакивало от стен, возвращалось обратно, создавая иллюзию чужих шагов за спиной. Внизу сквозь огромные арочные окна лился свет уличных фонарей, основное освещение в Хранилище было уже выключено.

– Вы знаете, что здание – бывший храм? Только верхние этажи достроили… – негромко произнес ее спутник. Крис повернула голову. В длинном черном пальто и кожаных перчатках Шелд уже совсем не походил на мальчишку–художника. – Храм одному из старых богов. Даже фрески сохранились, видите?

Девушка подняла голову. На выгнутом потолке дрожало изображение – но что именно там нарисовано, Кристина не разобрала.

– Начало, – пояснил Шелд. – Так называлась эта фреска. По–своему символично, знаете ли.

Яркий свет уличного экипажа прорезал пространство, ворвался в окна, на миг осветив панно на стенах и рисунки на потолке. Блеснули масляные темные глаза и открытый рот, сплетенные обнаженные тела. Любовники? Кристина присмотрелась, пытаясь понять, что делает страстная пара. И задохнулась, когда поняла. Фреска изображала убийство. Раскрытые губы женщины исторгали не стоны наслаждения, а молили о пощаде. И обнаженный мужчина не ласкал ее, а убивал, сдавливая бедняжке горло. И на лице его застыло выражение величайшего наслаждения.

Свет погас, снова погрузив потолок во мрак.

– И какому же богу здесь поклонялись? – Крис непроизвольно запахнула полы меховой накидки.

– Богу смерти. – Шелд улыбался, и в сумраке его зубы поблескивали. – Представляете, какое варварство? Хотя, если задуматься, разве время и смерть – не одно и то же? – он приглушенно рассмеялся.

– Действительно, варварство, – пробормотала девушка и снова оглянулась. Ей казалось, что за ними кто–то идет. Но широкий холл был пуст, лишь пылинки танцевали свой танец в светлых пятнах окон.

– Подвезти вас? – Город снова накрыло моросящим и зябким дождем, от которого мех не спасал, а лишь повисал на плечах линялой тряпкой. Экипаж мигнул фарами.

– Нет, у меня свой водитель, – улыбнулась Кристина. – И спасибо вам. День был очень… насыщенным.

– Тогда до завтра. – Куратор слегка наклонил голову, прощаясь. – Будьте осторожны на улицах, нынче небезопасно даже в Старом городе.

– Я могу за себя постоять, не беспокойтесь.

Он еще раз кивнул и сел в экипаж. Кристина проводила взглядом отъезжающую машину и бледный профиль Шелда за стеклом. Глубоко вздохнула и пошла обратно в Хранилище. Навстречу ей выдвинулась темная фигура не замеченного ранее охранника. А она–то думала, что в здании действительно никого нет. И сразу подняла руку с браслетом.

– Орита Дирхойт, нулевой уровень. – Верзила смотрел хмуро, девушка очаровательно улыбнулась и добавила жалостливо: – Я такая глупая – забыла в кабинете сумочку, представляете? Всего первый день, растерялась. Столько нового… Вы не откроете мне дверь? Мой куратор уже уехал, а в сумочке ключи от дома… Откроете?

– Не положено без права доступа, – мрачно оповестил верзила. Почесал затылок и предложил: – Могу вызвать вашего куратора, он вроде только отъехал.

Вернется.

– Ох, у меня ведь есть запасные ключи! – воскликнула Крис и снова засияла улыбкой. – Я такая бестолковая! Совсем забыла. Простите, мне пора.

Она развернулась и сбежала по ступенькам, цокая каблучками. Что ж, попытка обшарить Хранилище не удалась, но все только начинается…

Дождь почти прекратился, лишь тянуло с реки сыростью и пахло тиной. Она нажала кнопку на браслете, вызывая своего водителя, и когда экипаж подъехал, с удовольствием залезла в сухое нутро машины. И снова посмотрела на ступеньки, где все еще стоял верзила–охранник. Рядом с ним темнела еще одна мужская фигура, но кто это был, Кристина не разобрала.

***

– Гарт, чего хотела леди Кристина? У нее что–то случилось?

– Дамочка забыла наверху сумку. – Верзила поцокал языком, выражая свое отношение к пустоголовой орите. – Просила открыть ей кабинет. Но я предписания знаю, господин. Нет допуска – нет сумочки! – Он засмеялся, довольный собственной шуткой. И оборвал смех под холодным взглядом дознавателя. Растянул губы в услужливой улыбке. – Может, вызвать для вас экипаж? Нынче снова затянуло, это до утра, точно вам говорю! Видите, как вода пузырится на камнях? Снова несколько дней лить будет! Так что насчет экипажа?

– Не нужно. – Мужчина накинул капюшон куртки и засунул руки в карманы. – Спасибо, Гарт.

Охранник кивнул, не понимая до конца, за что его поблагодарили. Все эти дознаватели казались ему порой и не людьми вовсе, такие чопорные и непонятные, что в дрожь кидает. Гарт проводил взглядом быстро удаляющуюся фигуру. Этот, по крайней мере, здоровается и даже помнит, как его зовут. И порой кажется совсем простым парнем, таким же, как сосед Ник, или Косой, его друг. А порой как посмотрит, и хочется стать мышью, чтобы забиться в какую–нибудь щель и не вылезать оттуда. И ходит этот рыжий бесшумно, даром что не мельче верзилы Гарта будет.

Охранник покачал головой и ушел в здание, внимательно проверив маячки. Панель показывала, что в здании осталась лишь охрана.

Глава 4

Лето

Кай

Ночь накрывает город резко, почти без сумерек. Как–то разом становится темно, и зажигаются фонари, оплетая тротуары кружевными тенями. Я люблю эти тени и эти фонари – старые, в металлической оплетке, изображающие то лозу, то цветы. От них на граните расцветают сказочные растения, и порой они кажутся мне более настоящими, чем живые. Цветы Мрака. Так я называю их.

Люди торопятся укрыться за стенами домов, спрятаться от ночных звуков и городских двуногих хищников. Таких как я. И это правильно. Кривые тропки города таят в себе немало опасностей, каменный лес полон разного зверья – от серых волков, промышляющих разбоем, до мелких грызунов, что припугнут за углом кривым грязным ножом в обмен на ваш кошелек. Так что людям лучше сидеть в своих теплых гостиных, пить чай с молоком и кутать ноги в клетчатые пледы.

А мне и здесь неплохо. Только промозгло.

Поднял воротник, чтобы холодные капли не падали на шею: к ночи снова пошел дождь, на этот раз мелкий, жалящий ледяными каплями–иголками. На дождь мне плевать, но не люблю, когда шея мокрая…

Серые тени пару раз мелькали во мраке стен, но связаться со мной никто не решился. А жаль. Настроение на редкость паршивое, и я не отказался бы… размяться.

Краем глаза уловил движение сбоку, мягко перенес вес тела на правую ногу, развернулся. И никого. Кривая улочка пустынна, лишь покачивается, роняя капли, ветка липы.

Отвернулся и неспешно продолжил свою прогулку. Но теперь я слушал. Впитывал звуки города: гудки экипажей в стороне от этих дворов, на дороге – женский призывный смех, шорох капель по черепице и легкие шаги за спиной. Развернулся, и уже через песчинку прижимал к стене тщедушное легкое тело, сдавливая худую шею.

– Не убивайте, – прохрипела тень. – Это я!

Не отпустил, лишь чуть ослабил захват, испытав тяжелый приступ разочарования. Всего лишь любитель больших курток и облезлых котов. Вернее, любительница. Я надеялся на более увесистую добычу. Или, может, пережать эту тонкую цыплячью шейку, раз никого другого под рукой не оказалось? Хмыкнул, разжав руки. Вряд ли я получу удовольствие, убив мальчишку. То есть девчонку. В этой одежде трудно воспринимать несуразное бесформенное существо женщиной или девушкой. Какое–то недоразумение в грубых и явно слишком больших ботинках.

– Чего тебе? – грубо бросил я, разворачиваясь в сторону темного, затаившегося в глубине улицы дома. – Ты за мной следила, что ли?

– Я… я не нарочно…– Девчонка потащилась следом, пряча худые руки в широких рукавах куртки. – Простите. Я попросить хотела…

– Сколько надо? – Я поморщился досадливо, доставая бумажник. Угораздило же меня столкнуться с мелкой попрошайкой. Надо было столкнуть мальчишку в реку еще утром. То есть девчонку! Вечность бы их побрала! – Держи, – сунул ей купюры, не считая. Она вскинула голову, в полутьме бледное лицо заалело, окрасившись румянцем. Мило.

– Я не деньги просила! – Она гневно оттолкнула мою руку и даже отошла, словно я ей гадюку предлагал.

– Нет?

– Нет! Я хотела… я думала… я попросить! – вскинул насмешливо бровь, а она зло фыркнула, сжала кулачки, словно готовясь кинуться в драку, и выпалила: – Возьмите себе Мрака! Пожалуйста! Вы должны его взять! Я знаю, это… мы в ответе за тех, кого выручили! Вот! – Она распахнула куртку, вытаскивая животное. Кот протестующе мявкнул, пытаясь снова спрятаться от дождя на теплом животе девчонки.

– Приручили, – поправил я. – Но это не про меня. И мне совсем не нужен облезлый блохастый кот.

– Он не облезлый! И не блохастый! Почти… ну разве что самую малость… Мрак породистый! Настоящий лесной кот! Вот зуб даю!

Я отвернулся и пошел к чугунной ограде. Девчонка кинулась следом, и я даже поразился такой настырности.

– Ну пожалуйста, возьмите! – Она уцепилась за мой рукав, так что пришлось стряхнуть ее ладонь. Руки она убрала, но по–прежнему тащилась следом, продолжая бубнить: – Ну возьмите, чего вам стоит? У вас вон дом какой, и одежда хорошая, и деньги есть… я видела… Чем вам Мрак помешает? Он и ест немного совсем… А можно и не кормить, он мышей ловить будет! Он умеет. Ну… научится, если кормить не будете… Мрак даже тараканов ест, представляете? Когда голодный… Возьмите, а?

Я прижал браслет к пластине на воротах, открывая, и толкнул створку. Девчонка остановилась, прижимая к себе своего ободранного кота, словно кусок линялого воротника. Животное молчало, повиснув в ее руках и уже не сопротивляясь.

– У меня нет мышей, – бросил я, задержавшись на пороге. – И даже тараканов. У меня раз в год работает дезинфектор. И мне не нужен кот.

– Но он же умрет на улице, – с тихой безнадежностью сказала она и закашляла. Вытерла рот тыльной стороной ладони. – Он же совсем один. А мы в ответе за тех, кого…

Я захлопнул тяжелую металлическую створку, оставляя девчонку с другой стороны.

***

Осень

Кристина

Крис привычно обошла дом, проверила все задвижки на окнах и запоры на дверях. Дождь стучал по листьям в саду, шуршал на крыше, звенел в водосточной трубе и шептал у стекол. Наполнял комнаты плывущими смазанными тенями и посторонними звуками. Она сбросила туфли в коридоре и прошла на кухню, достала полотняный мешочек с травами. Хотелось кофе, но она знала, что нельзя – не уснет. Лучше всего перед сном выпить отвар ромашки и мелиссы с веточкой чабреца, ложкой меда и лимонной долькой. От такого чая спать она будет крепко и сны придут светлые.

Постояв над кружкой, Крис полезла за туркой и сварила кофе. Крепкий, как деготь, черный, как мрак. А выспаться она успеет. Потом. Когда уберется из этого мертвого города каменных химер и туманов.

С кружкой в руке она прошла в гостиную и не стала зажигать свет. Остановилась у окна, рассматривая дом напротив. Огромное окно освещенной гостиной немного скрывают ветви ореха и сирени, но не настолько, чтобы не видеть внутри лорда Дартера. Он что–то писал, сидя в кресле, закинув ногу на ногу и склонив темноволосую голову. Рубашка распахнута, ноги босы, волосы мокрые – это видно даже на таком расстоянии.

Крис прильнула к окну так, что стекло затуманилось от пара, которым исходил кофе. И словно почувствовав ее взгляд, мужчина резко поднял голову, всматриваясь в темноту сада. Девушка отпрянула, так что горячий напиток выплеснулся на ноги, вскрикнула. И тут же выругалась, разозлившись. Ведь понимала, что лорд, сидя в освещенной гостиной, ее не увидит, но все равно дернулась! Глупая! Пить кофе расхотелось, и она вылила его в раковину.

Снова вернулась в гостиную. Но все окна в доме напротив теперь были зашторены плотными темными занавесями, сквозь которые даже свет почти не

пробивался. Крис дернула веревку гардин на своем окне, отгораживаясь от внешнего мира.

Прошла в спальню, наклонилась, вытаскивая из–под кровати шкатулку. Внутри хранилось несколько предметов, совершенно бесполезных на взгляд большинства людей и бесценных для Крис.

Пуговица. Маленькая, круглая, притворяющаяся жемчужиной, но облезший перламутр уже демонстрировал поддельное нутро.

Осколок керамической кружки – белой, с синим орнаментом и трещиной.

Лоскут синей ткани.

Ручное зеркальце без крышки в деревянном корпусе.

Девушка молча посмотрела на эти сомнительные сокровища, застыв и не двигаясь. И так же молча захлопнула крышку, не прикоснувшись ни к одному предмету. В этом не было нужды, информацию из этих накопителей она знала наизусть. Ее было слишком мало, отрывков чужих воспоминаний, слишком незначительно, чтобы найти ответ. Но достаточно, чтобы начать искать.

Она убрала шкатулку под кровать и вышла в гостиную, где оставила сумочку. И, не удержавшись, подошла к окну, чуть отодвинула штору. Дом напротив стоял темный, притихший. Крис хмыкнула и, отвернувшись, пошла спать.

***

Лето

Кай

Утром у ворот стояла коробка, и я едва не споткнулся об нее. Осмотрел, не приближаясь, и поднял руку, чтобы вызвать законников. Мало ли какой подарок

ожидает внутри, там может быть что угодно. От спор ядовитой тли до взрывчатой сферы, способной разнести половину улицы. Нахмурился, прислушиваясь к своей интуиции, все–таки она редко меня подводила. И ничего опасного не почувствовал. Пнул коробку ногой. И выругался, услышав глухое мяуканье. Со злостью осмотрел улицу, раздумывая, за каким углом спряталась настырная попрошайка. Но проулок доверительно смотрел окнами соседских домов, слишком респектабельных, чтобы укрывать мелкую несуразную девчонку в куртке с чужого плеча.

Кот снова замяукал – в насквозь промокшей коробке ему, похоже, не слишком нравилось. Но и убежать он не мог: картон был крепко перевязан обрывком бечевки. Видимо, взамен подарочной ленточки.

Сосед вышел на крыльцо, распахнул купол черного зонта.

– Доброе утро. Снова дождь, – вежливо кивнул он.

Я молча кивнул в ответ. Каждое утро он говорит одно и то же, а я киваю. Сегодня сценарий нарушила все та же коробка, которую я уже собрался переступить и так же забыть. Но сосед уставился на шевелящийся картон с брезгливым недоумением.

– Что это у вас? Подкинули? Вызывайте законников и лучше не прикасайтесь. Если хотите, я сам вызову, у меня есть знакомства…

– Знаете что… – нахмурился я. – Не лезьте не в свое дело.

Подцепил веревку, что стягивала коробку, и закрыл дверь, не обращая внимания на опешившего соседа. На дорожке к дому мокрый картон все–таки не выдержал, и дно отвалилось вместе с котом. Животное плюхнулось на камни, но не приземлилось на лапы, как положено нормальному коту, а упало на живот. И неуклюже попыталось подняться, неловко тыкаясь носом в мои туфли.

– Мрак, вот же угораздило! – выругался я. Котенок поднял голову с заплывшими гноем глазами и утвердительно мяукнул. А я понял, почему эту ошибку природы так назвали.

Подобрал его двумя пальцами за шкирку, раздумывая, что мне с ним делать. Самый простой способ – утопить в ведре, так рачительные хозяйки в деревнях борются с чрезмерной сексуальной активностью своих крысоловок. Но странное дело, подобная мысль мне совсем не нравилась. Мрак висел, поджав лапы и хвост, лишь дергал носом и прижимал уши, которые казались слишком большими для его маленького тельца. В доме нос задергался с удвоенной силой, вдыхая теплые и сухие запахи помещения. Я опустил его на ковер, с досадой рассматривая грязную шерсть животного. Хронометр напоминал, что я уже опаздываю, и возиться с этим недоразумением мне совершенно некогда. Так что я просто поставил на пол тарелку, налил в нее молоко и добавил горячей воды из еще не остывшего чайника.

Покосился на нелепость, елозившую на моем светлом ковре. И раздраженно оттащил его к тарелке, сунул мордой в молоко. Кот фыркнул, сдувая с усов белую жидкость, но качнулся и неуверенно ткнулся в миску. И сразу принялся лакать: розовый язык замелькал, слизывая жидкость.

– Не лопни, – буркнул я и пошел к выходу. Железная цапля на хронометре гневно щелкнула клювом и склонилась, распахивая серебряные крылья, ударила о бронзовую пластинку. Напоминая, что времени почти не осталось.

***

Осень

Кристина

– Кристина, спустишься в архив? – Шелд устало потер глаза. – Надо поднять данные по старому делу. На второй уровень, забери все накопители и слайды. Я внес в твой браслет допуск.

– Конечно. – Девушка поднялась, скрывая радость. – Хочешь, прежде сварю тебе кофе?

– Хочу, но надо закончить с этим делом сегодня, так что – после.

– Как скажешь. – Орита улыбнулась и вышла за дверь, прихватив меховую накидку. Она уже знала, что внизу, в Хранилище памяти, довольно прохладно, подземелье все же.

В холле было многолюдно – время посетителей, которых здесь называли гостями. Сегодня день прошений: за определенную плату любой из жителей города мог получить воспоминание. Конечно, если докажет право на это, ведь воспоминания такая же собственность, как и другое имущество. Получить воспоминание другого человека можно лишь по предписанию Суда Времени.

Крис прошла сквозь ожидающих и заметно волнующихся людей, торопясь скорее спуститься вниз. Задержалась лишь чтобы поднять голову и посмотреть на высокий потолок. Даже сейчас, при свете дня, он оставался в тени, словно робкие лучи солнца не могли до конца осветить таящихся там чудовищ. За неделю работы она уже успела изучить старые фрески на куполе, и поднимать голову, проходя под ними, вошло у нее в привычку. Фресок было четыре, центральная – та самая, на которую указал Шелд. На всех четырех был изображен бог смерти, одно и то же лицо и разные сюжеты, одинаковые по своей страшной и отталкивающей красоте.

Крис опустила голову и быстро толкнула дверь, ведущую на нижние галереи.

Архивариус в своих светлых одеждах, напоминающих балахон, кажется, сам себя уже причислил к призракам этого подземелья, и Крис с усмешкой подумала, что ему только гремящих цепей не хватает для полноты образа. Но улыбку сдержала и невозмутимо протянула старику руку с браслетом. Тот тронул его матовой пластинкой и удовлетворенно кивнул, когда она посветлела.

– Допуск разрешен, – подтвердил он и сверился с толстой тетрадью. – Сектор второй, стеллаж третий, полка пятая сверху.

Орита молча пошла в указанном направлении, задержавшись на миг.

– Скажите, а дознаватель Хантер Виншер уже ушел? У меня к нему пара вопросов…

– Виншер? Не было его здесь сегодня. – Архивариус сунул лицо в открытую тетрадь посещений. – Перепутали вы что–то, орита. Кроме вас никто не

заглядывал, это ведь уже запечатанный сектор. По прошлым делам, а их редко поднимают …

– Перепутала, – легко согласилась Крис, облегченно вздохнув. Значит, можно не опасаться столкнуться с кем–то внутри.

И скрылась за дверью, цокая каблуками. Но внутри пошла осторожнее, не желая нарушать тишину этого места. Здесь на полках лежали не шары с живыми воспоминаниями, а слайды – тонкие слюдяные пластины по закрытым делам. Второй сектор был слева, и девушка простучала каблучками в том направлении, а потом сняла туфли и на цыпочках вернулась обратно. Замерла на миг у двери, прислушиваясь, но из–за закрытой створки не доносилось ни звука.

Крис быстро пошла вдоль стеллажей, рассматривая временные периоды.

112, 115, 118… Где–то здесь.

Она снова воровато оглянулась и шагнула в сектор, помеченный сто двадцатым годом от Отсчета Времен. Тогда была осень. Начало. Жаркая и душная, удивительная для такого дождливого города. Девушка зябко растерла ладони, осматриваясь. Мрак! Почему в ту осень было совершено столько преступлений? Как найти среди бесконечных полок нужную нишу? Хорошо хоть стеллажи помечены разными цветами по степени тяжести нарушения: желтые – самые легкие и лилово–черные – убийства. Значит, ей нужно искать такую метку. Как назло, большинство лиловых знаков было на верхних полках, и другие обозначения Крис снизу не видела. Она скрипнула зубами и осмотрелась. Стремянка нашлась в углу, колеса с крепежами скрипнули, когда девушка потащила ее за собой.

– Ненавижу это место, – буркнула Крис, забираясь на ступеньку. И лестницы она тоже терпеть не могла, но выбора не было. Узкие перекладины словно стонали под ее босыми ступнями в чулках и грозили отвалиться. Но Крис упрямо лезла наверх, надеясь, что не ошиблась, и нужная ниша над ее головой. И улыбнулась торжествующе, увидев табличку «Фрай–Пиррот. 1.10.120»

Внутри лежал всего один слайд, и Крис потянулась, доставая его.

– Кристина, вы перепутали сектор, – негромко произнес снизу голос ее куратора, и девушка вздрогнула на тонкой перекладине стремянки. Взмахнула руками и покачнулась, отчаянно пытаясь уцепиться за ледяные стеллажи. Но пальцы скользили, не находя опоры, а замерзшие ноги так и норовили соскользнуть. С трудом удержав равновесие, она схватилась за полукруглую ручку стремянки и посмотрела вниз.

– Шелд! Вы меня напугали! Я чуть не упала! Нельзя же так подкрадываться!

– Я не хотел, – он смотрел на нее, запрокинув голову, и темно–зеленые глаза казались черными. Крис осторожно спустилась, поджимая пальцы на ногах. – Я подумал, что вы еще не были в архиве и можете растеряться. Вижу, так и случилось.

Он подал ей руку.

– Где ваши туфли?

– На каблуках неудобно лазать по лестницам, – Крис попыталась улыбнуться, хотя ее все еще трясло от пережитого страха. Она действительно чуть не упала. Шелд сжал ее ладонь, рассматривая лицо девушки, и она чуть смущенно улыбнулась.

– Я уже поняла, что перепутала сектора. Сейчас найду нужный.

– Я сам. – Он все еще держал ее руку, не отводя взгляд, отчего Крис чувствовала себя крайне неуютно. Шелд отпустил ее и отошел на шаг. – Подождите меня у старика, ни к чему здесь мерзнуть.

– Да уж, тут не жарко, – сдерживая дрожь, усмехнулась Кристина.

– Это кладбище чужих воспоминаний, так что все закономерно. – Куратор отвернулся и пошел к нужному сектору. А орита быстро надела туфли и бросилась к двери. Она не оглядывалась, но ее не покидало ощущение, что Шелд смотрит ей в спину. И лишь за дверью она перевела дыхание и уже надежнее спрятала тонкую пластину в карман платья. И понадеялась, что за ее меховой накидкой мужчина не уловил этого движения.

– Уже закончили? – старик архивариус улыбнулся, опустив на нос круглые очки.

– Нет. Дознаватель Риххтер сам заберет нужные слайды.

– Повезло вам с куратором. – Старик снял окуляры и теперь неторопливо протирал стекла бархатной тряпочкой. Свет шара, зависшего над столом, матово отражался на его лысине, и Крис подумалось, что архивариус и ее тоже начищает этой бархаткой. Не зря же она так блестит. Очки вернулись на нос с крупными темными порами. – А вот ему не везет с оритами. Такая жалость.

– Да? Почему же? – без интереса спросила Крис, оглянувшись на дверь и размышляя, что делать, если Шелд вдруг спросит, какого мрака она прячет под мехом слайд. И что соврать, чтобы это было хоть немного убедительно!

– Так умирают, – оповестил старик. И снова снял очки, придирчиво осматривая прозрачное до невидимости стекло. – Трое уже ушли. Хоть вы поживите, замучился же бедняга каждый раз к новой привыкать…

Кристина так опешила, что даже не сразу нашла, что ответить. А когда все же открыла рот, дверь хлопнула, впуская ее куратора.

– Хранитель Риххтер, – архивариус расплылся в улыбке, обнажая вставную челюсть, – все нашли?

– Конечно, у вас образцовый порядок, Патрик. Только когда вы уже перестанете называть нас хранителями?

– Так ведь хранители же, чего ж тут… Хранители воспоминаний. – Архивариус блеснул стеклами очков и лысиной. – А я вот вашей девочке рассказывал, какой вы человек замечательный…

Шелд поморщился.

– Полно, Патрик. Пойдемте, Кристина.

По ступенькам на верхнюю галерею поднимались молча, и орита от волнения даже их все пересчитала. Оказалось 254.

– А архивариус, он уже давно в Хранилище, да? – спросила Крис, тяготясь молчанием.

– Он сказал тебе что–то обидное? – Шелд глянул остро, и Крис недоуменно покачала головой. – Да, он всю жизнь в Хранилище. Порой мне кажется, что старик слегка не в себе, но порядок у него образцовый. Он даже не поднимается наверх, спит в каморке за стеллажами. И любит говорить странности новым сотрудникам, не обращай внимания, если и тебе он наговорил лишнего. Патрик порой теряет связь с реальностью.

Кристина промолчала. Ей старик не показался сумасшедшим, хотя кто знает? Порой ей чудилось, что в этом здании сумасшедшие все.

– Ты обещала кофе, – напомнил Шелд, когда они вернулись в кабинет.

– Уже делаю. – Кристина скрылась за дверью и спрятала слайд в свою сумочку, облегченно вздыхая. Куратор ничего не заметил, и дышать стало легче. Когда кофе известил пузырьками о готовности, орита почти уже успокоилась и в кабинет вернулась с улыбкой.

– Кстати, сегодня освободишься раньше, – обрадовал Шелд, не поднимая головы от кристаллов, которые просматривал, делая быстрые пометки в тетради. – У меня выезд через час, ты там не нужна, сам справлюсь.

– Хорошо, – несколько удивленно протянула Крис, но возражать, конечно, не стала. К тому же ей тоже не терпелось укрыться за надежными стенами своего дома, так что сегодня ей везло.

И стены Хранилища она покидала довольная.

***

Шелд откинулся в кресле, сложив кончики пальцев. Так ему всегда лучше думалось. Еще раз посмотрел на раскрытое личное дело новой ориты. Заглядывать снова необходимости не было: у него была прекрасная память, и все сведения, содержащиеся внутри, он запомнил с первого раза.

Но этих сведений было недостаточно.

Он взял со стола металлическую заколку с синим камнем, еще утром украшавшую черные волосы Кристины, и залпом глотнул янтарь. Солнечный, тягучий, как смола, напиток обжег гортань и камнем провалился в желудок. Боль расцвела внутри, словно алый цветок, но Шелд привычно не обратил на нее внимания, погружаясь в накопитель. Глубже и глубже…

Заколка выпала из ладони и насмешливо звякнула, ударившись о дерево стола. Дознаватель снова откинулся в кресле, на его лице играла улыбка. Это было интересно. И даже очень. Ведь такой удобный накопитель – метал и камень, стоявший в первых строчках классификатора Вельмута, не содержал ни крупицы воспоминаний о своей владелице. Ни одного, даже самого незначительного.

А это значит, что девушка хорошо позаботилась о своей защите.

***

Лето

Кай

Бросил куртку в коридоре, снял туфли и, не включая свет, прошел в комнату. И первым делом наступил в лужу.

– Что за…– ругнулся я и щелкнул выключателем. И выругался снова. Никогда не думал, что одно маленькое недоразумение, слепое и полудохлое, способно привести мою идеальную гостиную в состояние полнейшего хаоса!

Покрывало с дивана валялось на полу и было подозрительно испачкано в чем–то отвратительно мерзком. Светлый ковер в пятнах и шерсти. Тарелка с молоком перевернута и задвинута под кресло. Следов молока, правда, нет, зато есть следы того, во что это молоко превратилось в тщедушном кошачьем тельце. А самое гадкое, что мой любимый хронометр с цаплей валяется на полу, и серебряная птица укоризненно щелкает клювом.

– Утоплю, – хмуро сдирая мокрые носки, решил я. Оглянулся, пытаясь понять, где спрятался виновник этих художеств. Следующий час я потратил на поиски облезлого кота, с каждой песчинкой времени злясь все сильнее и в красках представляя, что я сделаю с этим гаденышем. В коридоре обнаружился разрытый фикус, земля была перемещена из горшка почти полностью и ровными влажными горками возвышалась на паркете красного дерева. Сам паркет местами поцарапан. Так же, как и край антикварного столика. Но самого животного не было нигде, словно оно испарилось.

– Сам придешь, – я пнул от злости тот самый столик и ушел на кухню, оставив дверь открытой.

Кухарка приходила два раза в неделю, и сейчас я достал телячьи отбивные, бросил их на сковороду, чтобы разогреть. Жирный мясной запах поплыл по комнатам, наполняя мой рот слюной. Я сел к стойке, отрезая от сочных отбивных толстые куски и с удовольствием отправляя в рот. Поглядывал на дверь. Но гаденыш так и не явился.

– А ты не дурак, – хмыкнул я и ушел мыться. Жесткий контрастный душ несколько усмирил мое желание выкинуть кошака на улицу, как только найду. К тому же в голове были другие мысли и вопросы, так что я почти забыл о животном. Вытираться не стал, повязал на бедра полотенце и вернулся в кухню.

Оставшаяся отбивная исчезла с тарелки. Кота я снова не нашел.

Но неожиданно для себя рассмеялся. Такое желание жить и изворотливость в тщедушном полуслепом создании все же вызывали уважение.

***

Еда пропадала регулярно, но самого кота я за три дня так и не увидел. Зато он приспособил для своих нужд угол в коридоре, и в доме уже отчетливо попахивало кошатиной. И это меня совсем не радовало, как и необходимость за ним убирать. А когда домработница поставила меня в известность, что вынуждена будет уволиться, если я не уберу животное, на которое у нее аллергия, я сильно загрустил. Женщина хлюпала распухшим покрасневшим носом и красноречиво чихала.

Я выбрал животное.

Домработница, кажется, пожелала мне сдохнуть вместе с котом. Или это она снова чихнула? Я не разобрал.

***

На четвертый день кот явился, когда я ужинал. Сначала в дверь всунулся черный нос и подрагивающие усы, потом треугольная морда с большими ушами, а после бочком, словно краб, и остальное кошачье тельце. Мрак жадно принюхивался, поводя мордой, но, похоже, ничего не видел. Глаза слиплись от гноя, да и в целом животное выглядело еще хуже, чем я его помнил. И в довершение всего это издевательство чихнуло и свалилось на пол.

– Мрак, – констатировал я. С интересом понаблюдал, как зверь пытается подняться, а потом пригибаясь, ползком двигается в мою сторону, отчаянно принюхиваясь. Меня он то ли не почувствовал, то ли слишком проголодался. Вчера я забыл оставить на кухне еду.

Я доел и отодвинул тарелку. И направился к коту. Тот на удивление быстро метнулся под диван, но я оказался проворнее и подставил ногу. Животное снова упало, а я подхватил его за шкирку и поднял, рассматривая.

– Надеюсь, ты стоишь потери домработницы, приятель, – с сомнением протянул я. – Но первым делом тебя стоит отмыть. Ты воняешь.

Водные процедуры коту не слишком понравились, как и укол антибиотика, который я вколол в худую кошачью ляжку. Когда промывал ему глаза дезинфектором, он даже пытался сопротивляться и шипеть, за что получил по ушам. Я закутал его в полотенце и отнес на кухню, положил возле тарелки с молоком, а сам ушел в гостиную. Поворошил угли в затухающем камине, налил себе виски и сел на ковер, рассматривая пляшущие языки огня. Все любят смотреть на пламя, и тут я не исключение.

Танец жара завораживал, мне хотелось прикоснуться к нему, стать его частью. Согреться. Помню, в детстве я засунул руку в камин, желая поймать за хвост огненную птицу. Сначала я долго смотрел на нее – красно–желтую, с багряными всполохами и белыми от жара перьями. Она танцевала, то взмывая ввысь и

рассыпаясь в воздухе искрами, то почти исчезая за красными обугленными головешками. Дразнила. Сказочная птица, о которой нам рассказывала одноглазая ведьма из дома на окраине. И если поймать эту птицу, она исполнит самое заветное желание. Желание у меня было. И, подкравшись ближе, я сунул руку в огонь.

Мили тогда оттащила меня и отругала, а потом расплакалась. А я испугался, не понимая, отчего она плачет, ведь я просто хотел поймать красную птицу. Старая Рита тогда сказала, что у меня слишком живое воображение.

– Разве это плохо? – удивился я.

– Это страшно. Потому что ты всегда будешь жить в мире, которого нет. И ты будешь там один.

Я не понял, что она имела в виду.

Я уже давно не вижу в пламени птиц. Теперь там извиваются чудовища, распахивая зловонные пасти в насмешливом оскале. Они смотрят на меня, а я – на них. Они ждут, что я снова протяну им руку, но я лишь усмехаюсь. Теперь им не заворожить меня огненными искрами, не завлечь обещанием тепла: я точно знаю, что в этом огне нет птиц и нет успокоения. Только чудовища.

Кот приполз из кухни и бочком подошел к камину, сел на краешек меховой шкуры. Я поднял бокал с виски, приветствуя его.

Глава 5

Осень

Кристина

Уже на улице Кристину догнал Хантер, и она пожалела, что не вызвала водителя и решила прогуляться. Зимний протекторат располагался недалеко от Хранилища.

– Как дела у нашей новой ориты? Ты убила своего куратора и решила сбежать? – Хантер рассмеялся, довольный своей шуткой.

– Конечно. А труп расчленила и спрятала в горшках с кактусами, – отозвалась Кристина. Кажется, она начала привыкать к странному юмору дознавателей.

– У Шелда есть горшки с кактусами? – изумился рыжий. – Я всегда подозревал, что он безумный, но не настолько же!

– А он безумный? – улыбнулась Крис.

– Как и все мы, – обрадовал Хантер. – Ладно, с трупом разобрались, поужинаешь со мной?

– Вот так сразу?

– Почему сразу? Я как галантный кавалер прежде завел вежливую и ничего не значащую беседу. Ты не заметила?

– Про труп моего куратора и кактусы?

– Про твою тяжелую должность и цветы. Все как полагается. А после уже изъявил робкую надежду на то, что ты разделишь со мной трапезу. Так как?

– Прости. – Крис улыбнулась с почти искренним сожалением. – Правда, тороплюсь. В другой раз.

– Ты разрываешь мне сердце. – Хантер приложил ладонь к груди, и Крис фыркнула.

– Сердце с другой стороны, господин дознаватель.

– Да? Хм… Тогда ты убиваешь мой желудок, который корчится в муках без еды и даже малюсенькой чашечки кофе. Ты знаешь, что мой желудок мне очень важен? Я бы даже сказал, что он мне чрезвычайно дорог, я к нему привязался. Ведь мы вместе пережили столько потрясающих минут! О, как мы с ним наслаждались тушеным в меду телячьим языком и крольчатиной в сливках. Остро–сладким рубленым паштетом из гусиной печени, нанесенным тонким слоем на хрустящий багет и украшенным веточкой мяты! Запеченными в карамели персиками и темным душистым хмелем, бодрящим, но не опьяняющим… мой желудок – мой лучший друг, Крис!

– Достаточно! – Девушка не выдержала и расхохоталась. – Хантер, как тебя угораздило попасть в дознаватели? Тебе же на сцену надо!

– Пути ведущих неисповедимы, – все так же улыбаясь, ответил он. Его глаза совсем потемнели, и Крис удивилась этому. Она не видела, чтобы у людей так расширялся зрачок, почти скрывая радужку. К тому же при дневном свете.

– Очень рада твоей нежной дружбе с собственным желудком. И вообще такому богатому… внутреннему миру!

– О да! Рассказать тебе об остальных моих друзьях?

– Таких же… необычных? – Крис вскинула протестующе ладонь. – Упаси мрак!

– Друзья у меня разные, – многозначительно пояснил Хантер. – Некоторые тебе вполне могут понравиться.

– Господин дознаватель, это вы на что сейчас намекаете?

– Я? Намекаю? Я говорю прямым тестом! Угости хоть кофе, мы как раз подошли к твоему дому.

– А откуда ты знаешь, где я живу? – с подозрением спросила Кристина, останавливаясь.

– А я за тобой слежу. – Хантер чуть наклонился к ней, зрачок снова сузился, являя радужку с рыже–коричневыми пятнышками. И Кристина вдруг напряглась

под его взглядом, как–то очень остро ощутив, что веселье мужчины – лишь маска. И подумала, что его глаза похожи на звериные… и куртка у него с капюшоном.

– Крис, ты что, испугалась? Я же пошутил.

Он как–то неуверенно улыбнулся, и девушка тряхнула головой. Вот, мрак, она скоро во всех чудовищ видеть будет. Хантер отступил на шаг, смущенно переступил с ноги на ногу.

– Да я просто с Орином разговаривал, он упоминал, что ты сняла дом по соседству. Я не выспрашивал, просто к слову пришлось. А ты побледнела, как будто привидение увидела.

– Прости, просто ко мне в сад кто-то залез на днях, вот я и… испугалась.

– Залезли в дом? Вечность, Крис! Ты вызвала законников? Преступник оставил следы? Это очень серьезно, уж нам ли не знать!

Хантер выглядел по–настоящему встревоженным, и девушка вздохнула. И махнула рукой, приглашая в дом.

– Заходи уже, что ли, глупо на пороге стоять. Нет, не в дом, лишь в сад. А законников вызвал лорд Дартер, он же янтарем проверил. Но ничего не нашли. Словно мне все померещилось.

Дознаватель не стал с ходу убеждать ее, что и правда померещилось, и за одно это Крис была ему благодарна. Из кухни выглянула Клавдия, и Крис попросила накрыть ужин в гостиной на двоих. Кухарка принесла легкие корзиночки с мясным салатом и кофе, чтобы перекусить в ожидании основных блюд. Хантер расположился в кресле у окна, внимательно выслушал сухой рассказ Крис. Побарабанил пальцами по подлокотнику, размышляя.

– Лорд Дартер сказал, что в саду нет ни эфира, ни эманаций постороннего. Конечно, без накопителя нельзя утверждать это с полной уверенностью, но какой-то след должен был остаться. Однако его нет.

Говорить о своих подозрениях относительно самого лорда Крис, конечно, не стала. Да и подозрения по большей части беспочвенные, основанные лишь на ее тотальном недоверии ко всем вокруг. И не более того.

– Янтарь показал, что никого в моем саду не было, и мне все приснилось, – она насмешливо улыбнулась. – А янтарь, как известно, не врет.

Хантер снова постучал по деревяшке.

– Врет, Крис. Иногда.

– В смысле? – не поняла девушка.

– Ты слышала об антиянтаре?

– М-м, не припоминаю.

– Видишь ли, когда был изобретен янтарь, все ликовали. Ведь теперь можно было заглянуть в любое воспоминание, раскрыть любую тайну… Хотя нет, сначала не ликовали, а испугались. Далеко не каждый хочет, чтобы его тайны были раскрыты. Общество награждало хранителей, как тогда называли таких, как мы, совершенно невероятными возможностями, вплоть до чтения мыслей любого человека.

– Но это ведь почти так, – Крис переставила чашку на столе, и ложечка на блюдце тонко звякнула.

– Это не так. По крайней мере, не совсем так. К тому же у всех сейчас есть защита от эмпатов, в каждой лавке продается. Но я хотел сказать о другом. Стоило появиться янтарю, и сразу возникли люди, желающие создать антиянтарь. Это естественно, на любой яд есть противоядие, по крайней мере, его пытаются найти. А для многих в этом мире янтарь и эмпаты – яд.

– Подожди. – Крис поднялась, от волнения сжимая руки. – Ты хочешь сказать, что следы можно скрыть? Спрятать так, что даже янтарь их не увидит?

– Да. Но это дорогое вещество и, конечно, нелегальное.

Кристина села в кресло и покачала головой.

– Все равно не сходится. Кому надо залезать в мой сад, а потом скрывать свой след этим дорогущим и редким антиянтарем? Глупо как–то…

– Глупо, – согласился Хантер. – Мое мнение, если тебе интересно, что следа действительно не осталось. Ты же изучала остаточные явления в Институте Времени, так тоже бывает. Порой на месте преступления не остается почти ничего, и даже накопители оказываются пустыми. Эффект деформации времени, ничего не поделать. А в дождливую погоду этот эффект обычно усиливается. К сожалению, у нас очень дождливый город, Крис.

– Когда-нибудь его изучат достаточно, чтобы знать, как с этим эффектом бороться, – резюмировала Крис. – А вот и наш ужин. Спасибо, Клавдия!

Кухарка степенно склонила голову, расставляя на столе тарелки с ароматным жарким, соусники и блюдо с овощами и пряными травами. Хантер вдохнул запах и широко улыбнулся. Кристина хмыкнула. Есть ей не хотелось, но она ковыряла в тарелке, не желая портить аппетит своему гостю. О происшествии в саду говорить больше не хотелось, и Кристина сменила тему.

– Ты живешь где–то неподалеку?

– Да. Почти все дознаватели проживают в Старом Городе. Это… респектабельно. – Хантер усмехнулся, откинулся в кресле и прикрыл свои черно–рыжие глаза, наслаждаясь отлично сваренным кофе с каплей коньяка.

– Тебе это кажется глупостью? – Крис приподняла бровь.

– Мне это не важно. – Он говорил спокойно, и девушке казалось, что искренне. – У меня небольшой дом за мостом. Там тихо, и этого достаточно. А респектабельность… Человеческие категории для обозначения статуса, принадлежность к правящим… Мишура, Кристина. Тщетные попытки людей потешить собственное самолюбие.

– Кажется, ты не слишком любишь людей.

– Что ты, я их просто ненавижу. – Хантер улыбался, и понять, шутит он или серьезен, было совершенно невозможно. Крис понадеялась, что шутит. – Дознаватели изо дня в день рассматривают худших представителей человечества. Мы ведь не просто смотрим. Мы переживаем последние минуты жертв, как сами жертвы. Знаешь… После этого трудно верить в человеческую доброту и милосердие.

– Звучит ужасно, – вполне искренне протянула Крис, а мужчина хмыкнул.

– Я просто пытаюсь тебя разжалобить, – и подмигнул так, что она снова растерялась.

– Наверное, твоя семья очень тобой гордится? – улыбнулась Кристина.

– Наверное, – равнодушно протянул мужчина. – Увы, за гранью.

– Прости, – с сожалением кивнула Крис. – Мне жаль. У тебя никого не осталось?

– Сестра. Но мы редко видимся. – Он легко улыбнулся, и Крис, не сдержавшись, улыбнулась в ответ. У Хантера была хорошая улыбка, на такую хотелось ответить. – А ты почему перебралась к нам, северянка?

– Муж умер, и в белом крае меня уже ничего не держало. А в родовом замке мужа стало слишком… холодно. – Крис старалась, чтобы голос звучал беззаботно.

– Родовой замок, – протянул Хантер. – Звучит отвратительно по-снобски.

– Так и есть, – рассмеялась Кристина. – Огромный, древний и до одури снобский замок, способный вместить две тысячи человек и с десяток привидений!

– Даже так? Интересное местечко, должно быть. Там хоть канализация имелась?

– Он был очень комфортабельным. Местами. – Девушка взмахнула бокалом с вином. И подумала, что этот неожиданный ужин на двоих пора заканчивать. Но с Хантером было удивительно легко разговаривать, и она давно уже не чувствовала себя так хорошо в мужской компании. Впрочем, она и не помнит,

когда была вот так с мужчиной. Пила вино, смеялась и даже слегка… флиртовала? Да, с вином пора завязывать. Она скептически осмотрела своего гостя и вздохнула. Даже ее цинизм умолк, не в силах не признать, что Хантер хорош. Даже очень. Тонкий свитер не мог скрыть сильный, мощный торс, а кожа в треугольном вырезе казалась золотистой. К ней хотелось прикоснуться.

Кристина тряхнула головой и отставила бокал. Поднялась.

– Прости, но мне завтра рано вставать, – с извиняющейся улыбкой протянула она. Рыжие глаза снова стали темными, и Крис не поняла, как мужчина так быстро оказался рядом. И притянул ее к себе.

– Уже прогоняешь? – Его голос стал таким же рыжим, как и глаза. Обволакивающим. И Крис задрожала в его руках, таких сильных… а у нее так давно никого не было… слишком давно…– Да, моя сладкая…– Его губы скользнули по щеке девушки, оставляя влажный след. – Ты такая красивая, Крис… Слишком красивая… И ты ведь совсем не хочешь, чтобы я ушел, правда?

Губы трогали ее кожу почти неслышно, осторожно, как лакомка, выжидающе. Растягивая удовольствие. Такие нежные губы. Они коснулись ее рта и замерли. От него пахло терпким вином, а подушечки пальцев, что лежали на ее лице, были шершавыми, словно от тяжелой работы. Язык Хантера прошелся по губам Крис, размыкая их, и объятие стало сильнее. Он сжимал ее, словно давая понять, что уже не отпустит. И она поняла, что не хочет, чтобы он отпускал. Совсем не хочет. Так сильно, словно… Мрак, да что с ней!

– Хантер, прости, но я, кажется…– Она попыталась отстраниться и неожиданно поняла, насколько дознаватель сильный. Его руки, словно прутья стальной клетки, не давали ей пошевелиться.

– Не отталкивай меня, – медовый голос обволакивал сладостью, зачаровывал. – Тебе будет хорошо, Крис… Ты ведь хочешь этого… Очень хочешь…

Очень. Она очень его хочет. Невыносимо. Безумно. Хочет, чтобы эти руки сорвали ее серое платье. Чтобы он сделал ей подсечку, и она упала на ковер. А Хантер перевернул ее на живот, прижал к светлому ворсу, удерживая одной ладонью ее руки и не позволяя двигаться, раздвинул ей ноги коленом… чтобы он сделал это грубо, так, чтобы она застонала под его напором, признавая власть и

право мужчины делать с ней все, что он захочет. И чтобы трахал ее всю ночь, не останавливаясь… Именно этого она и хочет.

Хочет?

Она?

Осознание вспыхнуло в голове, выжигая навязанное желание. И Хантер тотчас отстранился, почувствовав это.

Кристина со злостью уставилась в темные насмешливые глаза.

– Ты навязывал мне эмоции, Хантер. Это запрещено! Это противозаконно!

– О чем ты, Крис? – Он мягко улыбнулся. – Тебе показалось, что я заставляю тебя? Может, ты просто не хочешь верить своим… желаниям? Или боишься их? Расскажи мне, чего ты боишься…

Его палец очертил контур ее губ, мягко надавливая и раздвигая их.

– Не бойся меня, зимняя девочка, я не обижу… – прошептал он, снова склоняясь к ее лицу.

Кристина дернулась, вырываясь из его рук.

– Уходи, – отступила на шаг, обхватив себя руками. – Уходи. Сейчас же!

Мужчина склонил голову, рассматривая ее, но Крис лишь сжала зубы, твердо глядя в его глаза. Если бы не ее защита, то они уже лежали бы на ковре, сплетаясь телами.

Хантер взял с кресла свою куртку.

– Не знаю, что ты себе придумала, но я не хотел тебя обидеть, Крис, – он пошел к двери, неспешно, словно ожидая, что его остановят. – Просто ты мне нравишься, не вижу ничего плохого в этом. Прости, если тебя это оскорбляет. И спасибо за

ужин.

Дверь хлопнула, и гостиная погрузилась в тишину, нарушаемую лишь потрескиванием дров в камине. Кристина сжала виски ладонями, а потом тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения. Ее взгляд упал на незашторенное окно. В доме напротив горел свет, и лорд Дартер приподнял руку с бокалом, приветствуя ее. А Кристина с трудом удержалась от желания швырнуть в стекло что-нибудь тяжелое.

***

Лето

Кай

Не знаю, как я умудрился так напиться. Ночью проснулся от холода и обнаружил, что лежу на ковре в гостиной в одних брюках рядом с потухшим камином. Пустая бутылка виски валялась рядом, на подушке дивана спал кот. Я сел, потряс головой и тут же пожалел об этом: затылок изнутри жрали железные черви. Они вгрызались в череп и скрежетали по кости металлическими зубами, пытаясь прогрызть в ней дырку и выбраться наружу.

Придержал голову руками и добрался до кухни. Нашел коробку с обезболивающим, закинул в рот сразу несколько пластинок, разжевал. Запил водой. На языке остался мерзкий вкус виски и горьких лекарств. Сунул голову под холодную воду, ожидая, когда полегчает.

Полегчало. Хотя черви не исчезли полностью, а просто стали скрести не так яростно. Сердце стучало, с трудом перекачивая кровь, слишком густую и вязкую, липкую, словно смола. Я задыхался. Схватил куртку, надел на голое тело, сунул ноги в ботинки и вышел на улицу.

Середина ночи. Время страстных стонов и мокрых движений в агонии страсти, или тягостные часы плохих воспоминаний.

Вот почему я так надрался, все дело в них. В воспоминаниях. Это и есть те самые черви, что живут во мне, изгрызая кости. Иногда их удается усыпить. Ненадолго. Я точно знаю, чего нельзя делать, чтобы они не проснулись. Например, нельзя заводить котов.

***

…В двенадцать Мили где–то подобрала рыжего котенка с белыми пятнами на морде и лапках.

– В носочках, – рассмеялась она, – а здесь бантик, смотри!

Я смотрел. Он был вполне обычный, таких по весне появляется целое полчище. Кто–то благополучно обретает хозяев, кто–то ведет свободный образ жизни и промышляет разбоем.

– Он особенный! – убеждала меня Мили. – Надо придумать ему имя.

– Рыжий? – хмыкнул я.

– Фу, как скучно! – Она хохотала, сдувая со лба челку. – Это особенный кот, и у него должно быть особенное имя! Такое, которое сразу определит его дальнейшую судьбу! Понимаешь?

Я снова хмыкнул. Мили любила давать прозвища всем вокруг, не знаю, определяли они судьбу своих обладателей или нет, но мы порой забавлялись этим часами.

– Соседка Грета? – спрашивал она.

– Курица–несушка, – шептал я. Мили смотрела на толстую тетку, окруженную выводком детей, и хихикала, уткнувшись в ворот старого свитера.

– Родриг?

– Пират Роджер. На абордаж!

– Ведьма Эльза?

– Ядовитая поганка…

– Ритка?

– Булка с повидлом… Черничным…

Мы хихикали, зажимая рты и рассматривая сверху проходящих внизу людей. Окошко чердака было круглым и пыльным, сбоку деловито плел свои кружева паук, давно привыкнув к нашему обществу. Мы существовали в согласии: он не трогал нас, а мы – его. К тому же хлебные крошки, что мы роняли на старые потемневшие доски, частенько привлекали голодных и невнимательных мушек, которые регулярно угождали в паучьи сети. Так что паук, наверное, был нам благодарен и даже пытался украсить наше убежище, чтобы порадовать. Я рассказывал о пауке Мили, а она качала головой и щелкала меня по носу.

– Дурак ты, Кай! Вечно выдумываешь!

Мне она тоже придумала прозвище. Говорила, что Кай – это мальчик с замерзшим сердцем в одной очень старой забытой сказке. Милинда даже пыталась мне ее рассказывать, но я был уверен, что это выдумка, и такой сказки нет. Она была не меньшей выдумщицей, чем я, просто не хотела сознаваться в этом.

– Так как назовем рыжего? Это должно быть особенное имя! Как у тебя. Только другое.

– Я бы назвал его рыжий, – пожимал я плечами. Пожимать плечами, лежа животом на досках чердака, было не слишком удобно, но мне казалось, что все взрослые так делают – пожимают плечами. А мне в мои тринадцать очень хотелось быть взрослым.

– Ну, Кай! У него не может быть такого имени! В каждом дворе есть свой Рыжий! Наш кот особенный и не может называться, как все!

Я смотрел на смешного котенка, сосредоточенно вылизывающего свою лапу, вздыхал и соглашался.

– Тогда пусть он будет Его Сиятельство Рыжая Морда – Пушистые Лапы, Первый и Единственный!

– Кай!

– Не нравится? По-моему, красиво… и такого имени точно нет у соседских котов!

– Такого имени ни у кого нет. – Мили просунула ладонь под пушистое кошачье брюхо и подняла. Потерлась носом о мордочку. – Пусть будет Лорд.

Мне имя не понравилось. Но возражать я не стал…

***

Город пил мое дыхание, жадно насыщая влажную каменную утробу. Он хотел поглотить его полностью, забрать, заменить воздух в моих легких вязким серым туманом и сажей каминных труб, вытянуть остатки моего тепла, чтобы хоть на миг отогреться самому. Глупый мертвый город. Моего тепла не хватило бы, чтобы зажечь даже одну единственную искру, а серого пепла мне и своего достаточно…

Сердце стучало, словно та самая цапля на хронометре серебряным клювом по бронзовой пластине: бом, бом…

Я шел по мокрым мостовым, удаляясь все дальше от респектабельного старого города, погружаясь в его изнанку, в грязное нутро окраин. Шел, не таясь, почти нарываясь на неприятности. Мрак! Да я просто искал эти проклятые неприятности, искал того, кто сделает ко мне первый шаг, ступит из тени, скользнет, сжимая в липкой ладони грязную заточку. Ждал… Легкие шаги за спиной, что уже какое–то время преследуют, словно эхо. Мое персональное эхо. Я замедляюсь, и шаги становятся короче и глуше, шуршат по булыжникам в такт, убеждая меня, что это лишь отголосок моего собственного движения. Я ускоряюсь, и настойчивое эхо тоже спешит, торопится, боясь опоздать, сокращая расстояние между нами.

Не оборачиваюсь и прикрываю глаза, втягиваю кислые запахи отходов и испражнений. И запах чужака, тела, пахнущего мускусом и едким потом. Я уклонился влево за песчинку времени до его удара. Острие мелькнуло рядом с шеей, мое эхо обрело плоть, как в старых сказках, устав следовать на привязи за своим хозяином. Плоть оказалась неопрятной, но крупной и сильной, еще довольно молодой и косматой. Неосмотрительное эхо. За сальные нечесаные космы так удобно хватать и бить эхо лицом об колено, ломая нос и вдыхая запах крови и чужого страха. Эхо не знало, что умирать – это больно. Эхо пытается сопротивляться, еще не понимая, что все кончилось в тот миг, когда оно решило выйти из тени и стать живым.

Тело вывернулось, развернулось и снова ударило. Узкое длинное шило скользнуло возле моего лица, желая наколоться на глаз. Но наши желания не совпадали. Я отклонился, позволил эху замахнуться снова и сделал подсечку. Ударил ногой в живот и сразу придавил распластанное тело, наступил ботинком на руку, сжимающую оружие. Шило покатилось по земле мягко, беззвучно. Я нажал сильнее, ломая, и улыбнулся, услышав, как хрустнули тонкие кости ладони.

– Пусти!!! – эхо взвыло даже не по–человечески, по–собачьи.

– Не стоит старым сказкам оживать, – задумчиво пробормотал я, убирая ногу и отворачиваясь. – Воплощаясь, они становятся на редкость мерзкими…

– Мразь! Убью!

У меня было очень настойчивое эхо. Хоть и глупое. Оно не видело тонкое лезвие в моей ладони. И даже не поняло, что уже мертво, все еще пытаясь кинуться, победить, жить…

Глупое мертвое эхо.

Я подышал, втягивая запах чужой крови и смерти, слизнул капли с ладони и сплюнул. У мужчин кровь невкусная – горькая и острая, пряная. Мне не нравится. Посмотрел на груду мяса и грязного тряпья на обочине, закинул голову, пытаясь увидеть за низкими тучами звезды. В прорехе мелькнула одна, синяя, и я посчитал это хорошим знаком.

И неспешно пошел обратно, чувствуя, как засыпают черви в моей голове.

***

После нескольких уколов и промываний Мрак пошел на поправку. И перестал от меня прятаться, видимо, осознав своим кошачьим чутьем, что не выгоню. Мы даже пришли к согласию по поводу его кошачьих дел. Утром я открывал дверь, кот торопливо бросался в палисадник, заросший, как и остальной сад, решал свои вопросы и опрометью кидался обратно в дом. И долго отряхивался, дергая длинными лапами и презрительно фыркая. Потом я догадался сделать дырку с заслонкой в двери, достаточную, чтобы кот мог выходить, когда захочет.

В доме теперь было относительно чисто, и за это в миске на кухне исправно появлялась еда. Коту, скорее всего, было месяца три – еще не взрослый, но уже не котенок. Лапы длинные, уши несуразно большие, худое тело покрыто черной шерстью, кое–где вылезшей клоками, скорее всего, от голода. Совершенно несимпатичный зверь. Безобразный и отталкивающий своей некрасивостью. Такого не хочется погладить или накормить, а лишь прогнать, чтобы он не нарушал своим видом гармонию окружающего мира. И мне это нравилось. Он жрал с одинаковым аппетитом и отбивные, и сухие галеты, когда обнаруживалось, что я забыл купить еды. Глаза перестали гноиться через неделю, и теперь на меня из-за углов смотрели желто-зеленые фонари, настырные и вечно голодные. Неприкосновенной территорией для него оставалась моя спальня и, получив болезненные щелчки по ушам, а также лишившись обеда и ужина, Мрак согласился с моими доводами.

Вечерами он вылезал из очередного своего укрытия и усаживался перед камином, ожидая, когда я зажгу огонь. Мрак любил огонь. Он смотрел на него, чуть дергая усами, и пламя плясало в желтых кошачьих глазах. Мне было интересно, что он видит в пламени, и, напиваясь, я даже пытался спрашивать. Но кот лишь фыркал презрительно и уходил до утра, а я кидал в него бокалом из-под виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/yantar-chuzhih-vospominaniy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити